

Федеральное агентство по образованию
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Хабаровский государственный технический университет»

Э. О. Леонтьева

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

*Утверждено издательско-библиотечным советом
университета в качестве учебного пособия*

Хабаровск
Издательство ХГТУ
2004

УДК 130.3 (075)
ББК Ю6
Л 478

Рецензенты:
Кафедра гуманитарных и социально-экономических
дисциплин Хабаровского пограничного института
Федеральной службы безопасности РФ,
(начальник кафедры)
Кандидат философских наук,
доцент, полковник
С. И. Рубанцов
Доктор философских наук,
профессор И. М. Ревич

Леонтьева Э.О.

Л Социальная философия: Учебное пособие / Э.О. Леонтьева. —
Хабаровск: Изд-во Хабар. гос. тех. ун-та, 2003. — 76с.
ISBN 5-7389-0335-8

Учебное пособие раскрывает содержание одного из важнейших тематических блоков курса философии. В современных гуманитарных науках социальные проблемы пользуются огромным вниманием и популярностью исследователей самых разных специализаций. Социальные отношения являются предметом социологии, политологии, социальной психологии, социальной антропологии и др. При этом достаточно неясным остаётся сам статус социального знания в системе наук, а формулировки основных понятий («общество», «социум», «социальное» и т.д.) расплывчатыми и неопределёнными. Этим вопросам и посвящается предлагаемое учебное пособие. Автор также излагает основные проблемы социальной философии и раскрывает краткую историю социально-философских учений.

Учебное пособие рекомендуется для студентов всех специальностей, изучающих курс философии.

ISBN 5-7389-0335-8

УДК 130.3 (075)
ББК Ю6

© Хабаровский государственный
Технический университет

© Леонтьева Э. О.

Оглавление:

Введение	5
Глава 1. Проблемное содержание и основные понятия социальной философии	6 - 27
1.1. Социальная философия в системе социальных наук: специфика социально-философской проблематики	6
1.2. Понятийный аппарат социальной философии.....	12
1.3. Основные характеристики социальной реальности и принципы её анализа	16
Глава 2. История развития социально-философских учений...28 - 52	
2.1. Дорефлексивный этап в развитии социально-философской проблематики с IV века до н.э. по XVIII век	28
2.2. Проблемы социальной философии в Новое время	30
2.3. Социальные науки и философия в период с середины XIX до начала XX веков	38
2.4. Социально-философская проблематика в современный период	50

Глава 3. Актуальные проблемы социальной философии и современность	53 - 71
3.1. Философия истории: этапы развития, специфика изучаемых проблем, современное состояние	53
3.2. Философия политики	58
3.3. Философия морали	61
3.4. Философия искусства	64
3.5. Социально-философские проблемы науки в условиях глобального кризиса цивилизации	67
Заключение	72
Библиографический список	73 - 75

Введение

Программа курса философии предполагает обязательное знакомство студентов высших учебных заведений с проблемами и содержанием социальной философии. Вместе с тем на сегодняшний день нет общепринятой точки зрения на то, как следует трактовать предметное пространство социальной философии. Все проблемы общества, включая и теоретические, изучаются в рамках разных социальных дисциплин, которых с каждым днём становится всё больше. Наметившаяся в социальном познании дифференциация становится всё более заметной: только за последнее десятилетие заявили о себе такие дисциплины как социальная психология, социальная антропология и др. При таком разнообразии разных специальных наук, зачем нужна ещё и социальная философия? Можно ли говорить о том, что она имеет своё собственное предметное пространство и свою собственную проблематику. Изучение социальной философии без внимания к этим проблемы невозможно. Вот почему в предлагаемом пособии именно они задают смысловой центр и определяют основное содержание. Кроме этого, современное высшее образование предъявляет достаточно высокий уровень требований к выпускникам высших учебных заведений. В числе самых необходимых из них — умение ориентироваться в современных условиях развития знания и основных проблемах общественной жизни. Социальная философия, как один из разделов в курсе философии, не только освещает общетеоретические проблемы, но и предлагает к осмыслению актуальные проблемы современной общественной жизни, связанные с развитием науки, морали, политики. Таким образом, изучение социальной философии способствует быстрой социальной адаптации выпускников вузов, формирует необходимые навыки самостоятельного творческого мышления и нацелено на повышение качества образования в целом.

ГЛАВА 1. Проблемное содержание и основные понятия социальной философии

1.1. Социальная философия в системе социальных наук: специфика социально-философской проблематики

На сегодняшний день социальное познание представлено целым комплексом гуманитарных наук. Это социология, социальная психология, социальная антропология, политология и достаточно большой и быстро развивающийся корпус междисциплинарного социального знания. Каждая из названных наук определяет свой предмет в контексте такого интегративного целого, которое называют социумом или социальной реальностью.

Этот предмет исследования представляет интерес также и для философии. Специфика философского подхода к изучению социальных проблем состоит в том, что именно философия осуществляет рефлексию над всей этой целостностью, осмысляя саму сущность и специфику данности социального как такового. В этом смысле предметное пространство социальной философии наиболее близко теоретической социологии. Тем не менее, если для социолога, как правило, общество является эмпирически фиксируемым фактом, философ же изучает то, что делает возможным эту фактичность, исследует предпосылки и условия, на основании которых мы можем говорить о самом наличии общественных связей и отношений. Так, немецкий философ и социолог Г. Зиммель, продолжая кантианскую традицию философствования как размышления об условиях возможности, сформулировал основную проблему социальной философии простым вопросом: «Как возможно общество?».

Таким образом, *социальная философия — это раздел философии, изучающий особенности общественной формы существования индивидов,*

её цель (интенция) состоит в описании социального бытия в наиболее общих, предельных понятиях.

Итак, конкретные социальные науки исходят из того, что социальность человека есть просто объективный факт, но для философии сама эта фактичность, данность социального является проблемой. Проблемой, обнаруживаемой уже в самом термине «социальность», трудность определения которого является причиной возникновения терминологических споров среди исследователей. В современной учебной литературе по философии все определения, связанные с этим термином, можно условно разбить на две большие группы.

1. Определения, исходящие из трактовки «социального» как реальности *не-природной* или иноприродной, основанной на дихотомии «социальное/биологическое». Например, определение социального, представленное в большинстве учебников философии, воспроизводят именно этот контекст: «Социальное — это всё то, что характеризует совместное существование людей и отлично от их природной, физико-биологической основы». Такое определение приводится в учебнике по философии В. А. Канке. Очевидно, что первая часть определения не позволяет как-либо зафиксировать специфику явления, потому что «всё», характеризующее совместное существование людей оборачивается, как известно, ничем. Именно поэтому автор уточняет, что к этому «всему» относится то, что *не* попадает под определение природно-биологического. Отметим, что в данном случае чрезвычайно трудно дать строгое положительное определение через описание того, чем искомое является, и автор использует отрицательную форму определения, указывая на признаки, не присущие ему. Подобный приём определения, достаточно непопулярный в других науках, как мы увидим в дальнейшем, активно используется в философии и теоретическом общественном знании, в силу того, что эти дисциплины работают с очень

сложными явлениями, понимание которых, по-видимому, превосходит возможности и границы человеческого познания.

2. «Социальное» понимается как реальность наиндивидуальная или *неиндивидуальная*. Основанием подобной трактовки выступает категориальная оппозиция «социальное/индивидуальное», подчёркивающая неизменность присутствия социальных характеристик в каждой отдельной личности. Как мы видим, и в предыдущем, и в данном случае используются отрицательные определения, которые, по сравнению с положительными позволяют лишь условно маркировать явление, но не ограничить его жёсткими рамками приписываемых признаков. В данном случае нам проще объяснить, какие свойства *не присущи* искомому явлению, чем обнаружить то, чем оно является, поскольку таких проявлений очень много.

Эти подходы к пониманию социального можно рассматривать как взаимодополняющие, т.к. они не противоречат друг другу, а подчёркивают разные существенные аспекты исследуемого явления. Большинство социальных исследователей разделяют обе представленные точки зрения и на основании их предпринимают попытки описания различных моделей общества.

Подчеркнём ещё раз, что использование отрицательной формы определения здесь наилучшим образом соответствует такому свойству социальной реальности, как её тотальность. Под тотальностью в данном случае будем иметь в виду всепроникающий характер проявлений социального в человеческой повседневности. И действительно, если мы попытаемся обнаружить в сфере реальности то, что не является социальным, мы столкнёмся с большими трудностями, и будем вынуждены признать, что поскольку *теоретически* не-социальное быть должно, то это должна быть такая сфера реальности, которая относится к сугубо биологической и сугубо индивидуальной природе человека. Практически же возникает про-

блема невозможности строгого разграничения социального от не-социального.

Рассмотрим следующий пример. Придерживаясь указанных определений, можно сделать вывод, что сон, приснившийся мне вчера, образы и переживания которого – по определению — мои, по этой причине не должен быть явлением социальным. Однако, если задуматься, насколько, в действительности, *моими* являются все структуры, представляющие само содержание сна? Все эти сюжеты, наполненные символами, знаками, образами, вызывающие переживания? Социокультурный характер всех этих феноменов бесспорен, по крайней мере, после исследований по психоанализу. *Мне* в качестве несоциализированной «*только моей*» остаётся единственно сфера моих собственных чувств и переживаний, но и здесь подстерегает коварство языка, убедительно обманывающего меня в самом факте переживания ощущений как собственных. Ещё в 1968 г. на это обращали внимание П. Бергер и Т. Лукман: «Язык также типизирует мои переживания и опыт, позволяя распределить их по более широким категориям, в терминах которых они приобретают значение не только для меня, но и для других людей».

Ввиду сложности и многообразия проявлений социального, дать строгое и однозначное определение социальной реальности (общества) затруднительно, и в современной философии, в отличие от философии XVIII- начала XX веков, наблюдается отчётливая тенденция, заключающаяся в том, что философы и социологи стремятся не столько *определить*, что такое общество, сколько *описать формы* его проявления. Тем самым феномен «общество» представляется возможным не только как определённый *факт объективной реальности*, явленный в таких образованиях как производство, государство, политические институты и т. д., но и как *проект исследователя*. Подобная ситуация оправдана потому, что сам иссле-

дователь является не только наблюдателем и аналитиком по отношению к предмету исследования, но и фрагментом, частью исследуемой реальности, её воплощением, представленным в создаваемом им проекте. Такая ситуация делает актуальной проблему субъективности исследователя, устранить или минимизировать присутствие которой в социальных науках чрезвычайно трудно. В связи с этим в XX веке начинают появляться такие направления, представители которых считают, что если устранить субъективность невозможно, то этот недостаток следует преобразовать в достоинство и считать специфическим для социально-философского исследования. Так, например, немецкий философ М. Хоркхаймер считал, что целью социальной философии является построение теории своей собственной социальной обусловленности, т. к. только такая теория может называться действительно критической.

Следующая важнейшая проблема социальной философии может быть сформулирована следующим образом: «Является ли «социальность» свойством каждого отдельного человека или же каким-то образом присуща некоторому сообществу людей в целом?». Если принять во внимание ту точку зрения, что общество является системным и целостным образованием, о чём мы упоминали в начале параграфа, то проблема, сформулированная ещё Зиммелем, может быть переформулирована так: «Как возникают системные характеристики, выражающие специфику социального? Каким образом в процессе взаимодействия между людьми возникают особенные, не выводимые из индивидуальной природы человека, свойства?». Язык, культура, наука, традиции — всё это явления, возникшие в результате социальной деятельности человека, особые системные образования, сущность и содержание которых не могут быть объяснены исходя только из характеристик индивидуальных сознаний. История развития социально-философского знания представляет несколько возможных вариантов ре-

шения этой проблемы: социальный субстанциализм, формальная социология Зиммеля, феноменологизм. Более подробному их рассмотрению посвящена глава 2.

Поскольку социальный контекст пронизывает все сферы человеческой деятельности, тематика, к которой обращается социальная философия, весьма разнообразна: в сферу её интересов попадают проблема эволюции социальных форм жизни, проблема критериев общественного прогресса, проблема отчуждения, коммуникации, определения специфики постиндустриального общества, информационной и технотронной форм цивилизации и их перспектив и т. д. Многие феномены, изучаемые в философии и гуманитарных науках (такие как, например, наука, образование, коммуникативная деятельность и т.д.) являются по определению социальными, поэтому границы, отделяющие социально-философскую проблематику от других разделов философии достаточно условны.

Социальная философия, иначе говоря, рассматривает всю традиционную философскую проблематику, но в специфическом — социальном — контексте.

Поэтому гораздо более грамотным с точки зрения философского языка будет вести речь не об отдельном разделе философского знания, называемом социальной философией, а только о *социальном контексте* философской проблематики в целом. Так, например, проблема познания и познавательной деятельности человека традиционно относится к такому разделу философии как гносеология, однако, некоторые из них (проблема особенностей научного познания, проблема преемственности знания и т. д.) могут также рассматриваться как проблемы социальной философии. Также, например, проблема субъекта и объекта познания традиционно считается одной из основных проблем гносеологии. Однако, говоря о субъекте, почти всегда имеют в виду не индивидуально и изолированно

действующего человека, а некоего обобщённого коллективного субъекта. Таким образом, и проблемы, связанные с субъектом и объектом познания также «нагружены социальностью». Это обусловлено тем, что социальный контекст любого вида человеческой деятельности принципиально неустраним *как само основание этой деятельности*, следовательно, всякое её проявление можно рассматривать как социальное явление. Поэтому социально-философская проблематика ориентирована не только на изучение специфики социума как целого, но и интересуется проблемами деятельности любого отдельного индивида в той мере, в какой его поведение характеризует человека как существо, отличное от природы, т. е. социализированное.

1.2. Понятийный аппарат социальной философии

Поскольку социальная философия является одной из форм философствования (разделом философии), то описание социального в целом осуществляется с помощью общеподлинной системы категорий, включающей такие понятия как «бытие», «сущее», «сущность», «субстанция», «причина», «следствие» и т. д. Вот почему, как уже говорилось, уместно вести речь не столько о социальной философии как самостоятельном разделе общеподлинной системы знания, сколько об особом — социальном — контексте традиционных философских проблем. Вспомним, что основные разделы философии, задающие специфический категориальный аппарат исследования — это онтология и гносеология. Применение онтологических и гносеологических категорий для исследований социальной реальности позволяет говорить, соответственно, о существовании социальной онтологии и гносеологии.

Особенное значение для социальной философии имеют такие онтологические и гносеологические категории, как «объективное» и «субъек-

тивное». Прежде всего, значимость этих понятий обнаруживается в ситуации, когда невозможно объяснить специфику социальной реальности, исходя только из объективной или только из субъективной её составляющей. Очевидно, что общество представляет собой ряд объективно существующих связей и отношений, закреплённых в деятельности социальных институтов. Такие институты — государство, семья, коллектив, партия, а также материальное производство, образование, здравоохранение и т. д. существуют внешне автономно по отношению к каждому конкретному индивиду. Поэтому говорят о том, что они объективны и, соответственно, объективный характер существования присущ и обществу в целом. С другой стороны, именно люди, конкретные индивиды включены в эту систему отношений, поддерживаемых функционированием институтов. Они могут существенным образом изменять формы их деятельности, устанавливать новые виды институтов, или способствовать их ликвидации. Следовательно, субъективная составляющая является также неотъемлемой для понимания сущности и специфики социальной реальности. Поэтому принято говорить о том, что общество имеет как субъективную, так и объективную составляющие, в связи с чем некоторые авторы предлагают рассматривать два аспекта социального, условно называемых «человек в обществе» и «общество в человеке». При этом в истории философии были периоды, когда большинство исследователей поддерживали тезис либо о преимущественно объективной природе общества, либо, наоборот, преувеличивали значение субъективной его составляющей. Как уже упоминалось, многие из исследователей поддерживали тезис о том, что социальная теория в принципе не может быть не обусловленной социально, что само по себе выявляет в качестве приоритетной субъективную сторону социального процесса. Эти направления, соответственно, получили названия «объективизм» и «субъективизм». Проблему соотношения субъективного и объек-

тивного в социальном мы рассмотрим подробнее в главе 2, когда будет идти речь об истории развития этих направлений.

Однако, это не значит, что социальную философию следует понимать только как простую разновидность онтологии и гносеологии, поскольку в данном разделе имеются и специфические категории, которые не являются смыслоопределяющими в других разделах философии. Это такие фундаментальные понятия как «социум» и «общество». Наряду с определением категории «социальное», проблема дефиниции этих понятий является одной из ключевых в социальных науках.

Следует иметь в виду, что в современной социальной теории принято различать понятия «социум» и «общество», несмотря на адекватность и видимую тавтологию перевода. В переводе с латинского «societas» — общность, общее, в результате чего в некоторых случаях это термины стали употребляться как синонимы. Действительно, эти понятия содержательно идентичны, но *«социум» — это абстракция, принятая для обозначения наиболее общих системных характеристик, свойств, признаков, отличающих мир человека от мира природы.*

Понятия «социум», «социальное» является одной из фундаментальных философских категорий, предельным основанием мышления. В то время как термин «общество» более конкретен, под обществом понимается некоторое исторически конкретное, реально фиксируемое коллективное образование людей, обладающее универсальными законами организации и конкретными формами их проявления. Часто встречающиеся в повседневности смысловые конструкции типа « российское общество», «общество борьбы за трезвость», «общество охраны природы» и т.д. демонстрируют нам примеры нагруженности такой конкретикой. Конечно, подобные коллективы людей также выступают формами сообществ, к исследованию которых обращается философия, но как раз такие варианты социальной ор-

ганизации представляют большой интерес в первую очередь для прикладных социальных наук. Многообразные проявления общественной жизни, выраженные, например, в существовании сословий, классов, семьи, политических партий, различных клубов и т. д. являются свидетельствами того особого способа связи между людьми, который носит *всеобщий и универсальный характер*, делая все эти разновидности частными случаями «социальности» как таковой. Именно эти свойства — всеобщность и универсальность — позволяют провести условную маркировку между терминами «общество» и «социум».

Кроме названных, важнейшими социально-философскими категориями являются категории «коммуникация» и «стратификация». Если обратить внимание на историю становления и развития категориального аппарата социальной философии, заметен тот факт, что изначально социально-философское знание оперирует категорией «общество», которая является смыслообразующей и фундаментальной для социальных исследований XVIII – начала XIX веков. Дальнейшее развитие обществознания обращается к категории «социум», в результате чего появляются её различные модификации, такие как «социальная статика», «социальная динамика» (О. Конт), «социальной пространство» (Г. Зиммель, П. Сорокин), «социальное время» (М. Вебер), «социальное действие» (Т. Парсонс).

Очевидно, подобное уточнение и конкретизация категориального аппарата соответствует усложнению исследуемых явлений. Последовательное развитие общественных наук открывает всё новые стороны изучаемого предмета и вследствие этого происходит наращивание и усложнение терминологии. В настоящее время социальные науки развиваются очень быстрыми темпами и те категории, которыми они оперируют, также постоянно развиваются и уточняются.

1.3. Основные характеристики социальной реальности и принципы её анализа

Современная социальная философия, как уже отмечалось, неразрывно связана с целым корпусом наук, изучающих общество. Связь эта обусловлена в первую очередь генетически, потому что все социальные науки в процессе своего появления и развития определяли самостоятельный статус по отношению к философии, от которой они со временем обособлялись. Вот почему исследовательские подходы и проблематика социальной философии и других социальных наук во многом перекликается. В 1-м параграфе мы обозначили отличия социальной философии от других социальных наук, теперь же отметим, что на теоретическом уровне все частные социальные науки смыкаются с социальной философией и чем больше социальный исследователь углубляется в теоретическую проблематику своих исследований, тем более философскими становятся его рассуждения. Именно поэтому общие принципы анализа социальной реальности представляют поле исследований, в горизонте которого смыкаются интересы всех представителей социальных наук.

Отметим, что принципы анализа социальной реальности обусловлены подходом понимания самой этой реальности, которого придерживается исследователь. В истории социальной философии за всё время её развития было множество направлений и школ, предлагающих различные варианты таких подходов. О них подробно будет рассказано в главе 2. Здесь же отметим, что, не смотря на разницу между всеми этими подходами, большинство современных исследователей считают, что социальная реальность должна изучаться с учётом следующих, наиболее общих, характеристик, которые будут изложены далее. Указанные характеристики социальной реальности признавались всеми исследователями, но лишь в той или иной степени. Это означает, что представители разных школ и направлений счи-

тали в основном все эти характеристики важными, но особенное, смыслообразующее значение придавали лишь одной или нескольким из них, а другие вовсе оставляли без внимания.

1. Социальная реальность — это реальность, в той или иной степени *организованная, упорядоченная и структурированная*. Относительно значимости этого признака социальной реальности у философов не было согласия. Те учения, в которых признаётся наибольшая степень важности принципа организованности, настаивают на том, что социум — это не просто упорядоченность, а *единое целое*, в таком случае принцип организованности «ужесточается» до принципа *целостности и системности*. Такие взгляды характерны для социальных философов периода классики, им были близки учения К. Маркса, О. Конта, Э. Дюркгейма. Целостным и гармоничным представлялось общество и многим русским философам, как, например, его описывает С. Франк.

Некоторые учения поддерживали тезис о том, что организованность нельзя рассматривать как абсолютную характеристику, она ситуационна, и зависит от условий каждого конкретного общества. Поэтому при анализе общества следует обращать внимание не столько на системные характеристики, образующие целостность, сколько на те, которые делают эту систему мобильной, изменчивой, способной легко перестраиваться под новую ситуацию, т. е. легко менять структуру и порядок. Поэтому многие исследователи, особенно в XX веке (М. Вебер, Т. Парсонс) считали, что такие свойства как целостность и организованность являются второстепенными и производными от социальных действий индивидов и групп.

И, наконец, во второй половине XX века начинают пользоваться популярностью концепции, согласно которым социальная реальность не только не организована по принципу целостности, а, наоборот, хаотична, неупорядочена, разобщена. Это реальность, у которой отсутствует центр,

а, соответственно, нет, и не может быть, единой организации. В таких учениях поддерживается тезис о том, что социальная реальность многообразна и непредсказуема, в ней одновременно могут уживаться и сосуществовать множество несводимых друг к другу реальностей, каждая из которых своеобразна, и развивается по своим правилам. Таким образом, социальная реальность не является единым, универсальным и законченным целым. Это постоянно изменяющийся мир, в котором скрывается от исследователя огромное разнообразие смыслов. Такие взгляды в значительной степени характерны для философов 2-й половины XX века, представителей постмодернизма.

Итак, принцип организованности и упорядоченности, как мы отметили, выражался в различных по степени «жёсткости» вариантах: от требования целостности до отрицания любой организованности вообще. Обратим внимание, что отрицание организованности и целостности в данном случае также может рассматриваться как определённое следование указанному принципу, т. к. в данном случае автор также обращает внимание на эти характеристики социальной реальности.

Многими исследователями признаётся *институциональный* характер социальной реальности, который тоже можно рассматривать как особый вид структурной организации общества. Институциональный подход долгое время пользовался популярностью среди исследователей, поэтому о социальных институтах будет упомянуто ниже чуть подробнее.

2. Социальная реальность — это реальность *динамическая*, т. е. *развивающаяся*. Эта характеристика социального утвердилась в качестве общезначимой после того, как основатель социологии, французский философ О. Конт разделил все проблемы социологии на два раздела — социальную статику и социальную динамику. Первый из них обращает внимание на относительно стабильные параметры социальных систем и потому

направлен на изучение структурных элементов — социальных сфер, форм и т.д. При изучении структурных элементов главной характеристикой для исследователя будет целостно-организованный порядок социальной реальности, о котором шла речь выше. Структурно организованная целостность воссоздаёт образ пространства, в котором она существует, поэтому для этого раздела социального знания фундаментальную роль играет категория «социальное пространство». Исследователи, ориентированные на изучение социальной реальности с таких позиций, конечно, также не отрицают её изменчивого характера, считая, однако, что в определённых условиях и для определённых целей возможно абстрагироваться (отвлечься) от её динамичности и обратить внимание на структурные компоненты.

Второй раздел — социальная динамика — исследует в первую очередь проблемы, связанные с изменениями в социуме, актуализируя тот момент, что нет, и не может быть в действительности не изменяющихся социальных систем. Представителей такого подхода интересует в первую очередь сам *процесс* изменения и развития. Поэтому ключевой категорией, определяющей направленность их интересов будет являться понятие «социальное время». В этом случае обращается внимание на то, что социальность по определению есть взаимоотношение, а значит, взаимодействие, следовательно, можно говорить только о скорости, глубине, интенсивности изменений, но ни в коем случае об их отсутствии. Так возникает целый раздел социального познания, изучающий закономерности социальных изменений, представители которого считают, что статичное, не изменяющееся общество есть не более чем абстракция, не имеющая отношения к действительности.

3. Социальная реальность — это реальность *стратифицированная*. Стратификация — это деление общества на классы, слои, прослойки в иерархическом порядке. Эта характеристика подчёркивает принципиально неодно-

родный характер структурных элементов в составе общества, акцентируя их соподчинённость и взаимозависимость, а также ранжирование по шкале «высшие/низшие». На сегодняшний день большинством исследователей признаётся, что не бывает нестратифицированных обществ. Исследования, посвящённые изучению социальной стратификации, обращают внимание на такие проблемы, как социальное неравенство и расслоение общества, классовые ограничения, социальная мобильность и т. д. Как правило, это проблемы, изучаемые социологами и политологами.

4. Социальная реальность — это реальность *коммуникативная*. В понятии коммуникации (от латинского «communicatio» — сообщение, передача) заостряется и акцентируется момент изменчивости и динамичности социальной реальности. Поэтому данная характеристика близка по установке 2-й, но в данном случае обращается внимание на особый — языковой характер социальных изменений.

Исследование явления коммуникации предоставляет социальному исследователю возможность по-новому подойти к пониманию специфики и сущности общества. Изучение этого явления на протяжении всего XX века пользуется популярностью исследователей. Однако, его трактовки за это время существенно изменились. В учениях XIX-XX веков коммуникация рассматривалась исключительно как средство трансляции информации, поэтому это явление считалось производным от основных социальных процессов, а потому изначально понятным, простым и не заслуживающим особого внимания. В 20-30-х годах ситуация изменяется. Философия начинает обращаться к проблемам языка, популярностью пользуются лингвистические исследования, в связи с чем в социальной проблематике, прежде всего после работ М. Хайдеггера и М. Бахтина, вновь происходит обращение к проблемам коммуникации. При этом коммуникация постепенно трактуется не как посредническая деятельность по передаче инфор-

мации, а как самостоятельная реальность, не «посредник» социального действия, а само это действие. Иначе говоря, коммуникация начинает пониматься как собственно социальная реальность, поскольку социальность есть взаимодействие, а любое взаимодействие можно рассматривать в терминах коммуникации.

Особое значение обращение к коммуникации приобретает, когда речь идёт о нестабильной социальной реальности. Изменчивая, неустойчивая реальность, с которой мы часто имеем дело в ситуации постоянных перемен в обществе, создаёт трудности не только для человека, живущего в ней, но и для исследователя, поскольку процесс создания теорий и концепций не релевантен динамике изменений среды, и все исследования устаревают уже в процессе их создания. Поэтому коммуникация предоставляет возможность обратиться к изучению взаимодействия, длящегося «здесь и сейчас», и рассматривать социальную реальность как ограниченную рамками этого взаимодействия. А поскольку социальная реальность вообще может трактоваться как последовательность таких взаимодействий, исследователь имеет возможность оперировать обобщённой схемой, согласно которой вся социальная реальность в целом и есть такой макрокоммуникативный процесс, в котором все смыслы и значения существуют ситуационно и обусловлены этой сиюминутной реальностью.

Особенно подходящим представляется использование этого подхода для описания современной российской действительности. Попробуем, к примеру, рассмотреть, как работает данная схема при анализе тех социальных условий, в которых уже второе десятилетие осуществляются российские реформы. Поставив подобную цель, очень скоро обнаруживаем, что фактически отсутствует предмет разговора, ибо сам по себе, взятый даже в качестве рабочего, концепт «современная российская реальность» смутен, неясен и постоянно ускользает от исследования. Очевидно, чтобы опреде-

литься, требуется огромное количество оговорок. Идёт ли речь о российской реальности конца 80-х или середины 90-х, или последних 2-3-х лет, во всех трёх случаях мы будем иметь дело не только с изменившимися, но, фактически, совершенно разными во всех отношениях реальностями. Учитывая специфику кризисного состояния, вспомним, что обозначенная нами «современность» имеет достаточно богатый опыт настолько внезапных перемен, что можно лечь спать в одном государстве, а проснуться, фактически, в другом. Динамичность и быстротечность событий, стремительно сменяющих друг друга, ставит исследователя в нелепое положение перед лицом реальности, события которой устаревают прямо в процессе изучения. Ни одна теоретическая концепция не успевает обобщить происходящие события, как они исчезают, оставляя лишь след в памяти и сознании. След, призрак, остаток событий сам превращается в событие и начинает скрыто и завуалировано влиять на другие события и процесс смыслообразования в целом. Подобная ситуация и могла бы быть описана средствами философской концептуализации в сфере коммуникативного действия. Так, описанная нами схема развития событий оставляет социальному исследователю совершенно ничтожный концептуальный выбор: либо не замечать в данной ситуации наличие проблемы вовсе (как это делается в большинстве случаев, но лишь в единичных из них - сознательно), либо признать, что любое построение может быть осуществлено как теоретизирование по поводу локальной коммуникации. Специфика подобного теоретизирования состоит в том, что внимание исследователя останавливается на определённом смысловом пространстве, существующем только здесь и сейчас и в качестве такового, имеет структуру и специфику, определяемые уникальностью ситуации. В контексте каждого такого события как особого дискурса все аналогии могут быть интерпретированы как следы присутствия других смыслов и дискурсов, других коммуникантов, но, разумеется,

не повторять их, а отсылать к ним, указывать на них. В этом смысле, например, представляется, что основные усилия исследователя сосредоточены на описании процедуры, общей структуры и характеристик коммуникативных действий в разнообразных аспектах социальной жизни.

В такой модели социальной реальности точкой отсчёта и начала теоретизирования может выступать любое звено социальной реальности, рассматриваемое в качестве коммуниканта, будь то обыкновенный гражданин или государство в целом, речь идёт об исследовании той сферы реальности, которая задаётся всеми – актуальными и потенциальными, возможными и действительными — их контактами. Специфику такого подхода подчёркивает также тот момент, что в качестве коммуниканта может рассматриваться не только некое конкретно определённое, позиционированное в ситуации лицо или группа лиц, но также принципиально любой субъект, который может быть обезличен просто до факта присутствия. Этот факт присутствия как след такого субъекта читается в каждом артефакте. Так, например, покупая пакет молока в магазине, я вступаю в коммуникацию не только с продавцом по поводу покупки, но и с невероятно большим количеством людей, на чьё присутствие указывает наличие на прилавке пакета молока: от пастуха и дорки до дизайнера по упаковке.

Возможные направления философского анализа социальной реальности как реальности коммуникативной могли бы быть заданы типологией коммуникационных цепей. Самый приблизительный её вариант включает в себя:

а) длинные и короткие цепочки коммуникации, в зависимости от количества посредников. Это наиболее вариативная и условная характеристика, анализ которой позволяет в одном стандартном действии обнаружить совершенно разное количество коммуникантов. Например, в нашем случае с покупкой молока ситуация может быть описана по простой схеме комму-

никации из двух лиц, если иметь в виду обмен репликами между покупателем и продавцом. Если вспомнить, что при этом ещё присутствовала, допустим, соседка и люди в очереди, то модель коммуникации изменится. А если обратить внимание на факт скрытого, закодированного присутствия обезличенных субъектов, о которых шла речь выше, мы получим огромное количество описаний одной и той же ситуации и тем самым сможем создать различные модели изучаемого локала, который и представляет истинную нами социальную реальность.

б) взаимобратимые и односторонние коммуникации. Наш пример с покупкой молока обнаруживает неравноценность отмеченных видов коммуникаций. Если покупатель с продавцом, обмениваясь репликами, в равной степени являются как «отправителями», так и «получателями» сообщений, то в случае, если речь идёт об обезличенных субъектах, цепочка принимает однонаправленное выражение. Я, как покупатель, пытаюсь расшифровывать коды полученного сообщения, свидетельства присутствия других людей, но не могу здесь и сейчас, в этой же ситуации и без посредников передать им своё. В случае, например, когда президент государства или глава правительства обращаются к населению, он не обращается лично ко мне и тем более делает это не с целью услышать мой голос в ответ. Также вряд ли целью этого выступления является сообщение некой информации, то есть в данном случае информация присутствует, но сообщение не является целью, главным является ритуал коммуникации. Выступающий — в нашем случае государственное лицо — выполняет определённое ритуальное действие, смысл и назначение которого совсем не в произнесённых словах. Смысл данного действия в самом действовании, в самом появлении лица на экране, где определённые коды — интонация, внешний вид, манера говорить и т.д. являются элементами сценария. Это вещи, которые в нормальной, обратимой коммуникации, выступают атрибутами

процесса, меняют свои функции в случае коммуникации односторонней, где атрибуты сообщения сами становятся сообщениями. Подобные ситуации весьма типичны, и в повседневности каждому из нас приходится очень часто поддерживать этот тип коммуникаций, причём выступать не только в роли «получателя» сообщений, но часто и инициировать их, беря на себя функции «отправителя», и при этом, не обращаясь ни к кому конкретно. Подобный вид коммуникации представляется наименее изученным, а потому ждёт своего исследователя, в связи с чем легко заметить, что современная российская действительность представляет огромный эмпирический материал для её описания и моделирования.

в) коммуникации актуальные и потенциальные. В данном случае под потенциальными имеются в виду все возможные смыслы, системы кодировок, существующие как сообщения, отложенные на будущее и рассматриваемые в качестве таковых, исходя из изучаемой ситуации. Для изучения данных типов коммуникаций особое значение имеет исследовательский акцент не столько на то, *что* было передано в сообщении, но в более значительной степени на то, о чём данное сообщение *умолчало*. Получается, что отсутствующая информация выполняет важнейшие функции. Она как бы откладывается для последующих сообщений, т.е. всегда существует как возможность другой коммуникации, за счёт чего происходит постоянное расширение коммуникативного пространства.

Предложенные характеристики коммуникации не являются исчерпывающими, но перечислены здесь потому, что именно они задают пространство интереса философа, прежде всего философа социального.

5. Социальная реальность — это реальность *институализированная*. Это означает, что помимо деятельности индивидов, вступающих во взаимодействие друг с другом, социальная реальность представлена также деятельностью *институтов*, и при более внимательном рассмотрении можно за-

метить, что деятельность этих самых индивидов всегда носит институализированный характер. В самом общем смысле под институтами можно понимать устойчивые социальные формы, схемы типизации, в рамках которых происходит установка норм и правил социального поведения, формируется порядок и стандартизация действий.

Социальные институты — это устойчивые социальные образования, целью которых является упорядочивание поведения социальных агентов посредством установленных норм и правил. В более широком смысле слова под институтом имеют в виду установленный, типичный, стандартизованный порядок действий, схему поведения. Сторонники институционального подхода признают, что общество и социальную реальность вообще можно свести к многообразию форм институциональности. Это тоже концепция, основанная на специфически понятом принципе целостности и структурности, о которых шла речь в п.1, т.к. в данном случае общество представляется как организованная система элементов. Правда, эти элементы не являются жёстко структурированными вокруг центра и не всегда можно обнаружить чёткие иерархические связи между ними.

При этом нормы, правила, стандарты в некоторых случаях воспроизводятся и поддерживаются деятельностью специальных заведений, как, например, в случае, если мы говорим об институте образования. Это достаточно широкое понятие подразумевает наличие системы учебных заведений разных уровней, определённых структур, отвечающих за образовательную политику и т. д. Но это также и определённые поведенческие стратегии индивида, соотносящиеся с этим институциональным порядком. Соответственно сложившимся в рамках институциональной системы правилам поведения, индивид записывается в школу, получает высшее образование и прилагает какие-то усилия для реализации этих целей. В данном примере под определение института попадает не только вся совокупность

учреждений, но и модели поведения, демонстрируемые индивидами по поводу отношения с этими учреждениями.

В других случаях институты существуют просто как традиции и привычные схемы отношений, например, институт семьи. Количество таких институтов разнообразно. Обычно в числе главных называют такие, как семья, государство, образование, материальное производство. Легко заметить, что каждый из названных институтов взаимосвязан друг с другом и, в свою очередь, включает в себя деятельность других институтов. Социальные институты представляют собой объективированные социальные формы, т. к. созданные деятельностью человека, они со временем приобретают независимые от него формы существования.

ГЛАВА 2. История развития социально-философских учений

Исторически первыми формами социальной жизни, попавшими в поле исследования философов, были государство и политика. Первые политические трактаты написаны ещё в античности. До середины XIX века понятия «общество» и «государство» практически не различались, однако уже в XVII – XVIII веках проблематика социального постепенно начинает оформляться в контекст исследования, отдельный от политического. Этот процесс завершается к концу XIX века, когда начинают возникать учения, ориентированные на объяснение сущности общества в целом. Таким образом, в истории социальной философии можно выделить следующие этапы.

2.1. Дорефлексивный этап развития социально-философской проблематики — с IV века до н.э. по XVII в.

Для этого периода в целом характерно отождествление «общественного» и «государственного», в русле которого для анализа всех форм социальной используется терминология, связанная с государством и политикой. Отсутствие самостоятельного пространства социальной проблематики позволяет говорить не о социальной философии как таковой, а о социальных проблемах, рассматриваемых представителями различных философских школ этого периода. Огромное идейное разнообразие этих школ и направлений не сводимо к какой-либо одной универсальной модели общества. Ведь в данном случае речь идёт об огромном по хронологии и насыщенном по содержанию этапе в истории философии. Однако, несмотря на это, принято выделять некоторые общие черты, позволяющие отнести мыслителей этого периода к представителям одного подхода. Ключевыми темами размышлений практически для всех авторов, которые обращались

к теме общественной (политической) жизни, были темы идеального государства и справедливого правителя. Не случайно именно в это время становится популярным такой жанр социально-политической литературы, как *утопия*. Конструкция термина «утопия» имеет греческое происхождение (ou- отрицательная частица, topos – место) и в переводе означает «место, которого нет». Таким словом, начиная с XVI века, стали называть произведения, в которых описывается воображаемое, идеальное общество. Этот жанр не утратил своей популярности и в современности, но в XIX веке и затем в XX утопия начинает восприниматься не как научный, а, скорее, как литературно-художественный жанр и исторический источник. Однако, думается, не будет преувеличением сказать, что в дорефлективный период развития социальной философии именно утопия восполняла пространство, ныне занимаемое трактатами по социальной теории. К представителям этого периода можно отнести авторов как утопических произведений, так и немногочисленные трактаты, посвящённые описанию политических норм и регулятивов, которых следует придерживаться гражданам и правителям. Отметим наиболее известные произведения этого периода:

- античные, написанные в дохристианский период IV в до н.э. по V в. н.э. Это «Государство» и «Законы» Платона, «Политика» Аристотеля, «Воспитание Кира» Ксенофонта;
- средневековые, апеллирующие к христианскому пониманию мироустройства и по аналогии с ним рассматривающие принципы общественного устройства. Это такие произведения как «Град земной и град божий» Августина, «Христианополис» В. Андреа.
- возрожденческие. К ним относятся «Государь» Н. Маккиавели, «Город Солнца» Т. Кампанеллы, «Утопия» Т. Мора, «Новая Атлантида» Ф. Бэкона.

2.2. Проблемы социальной философии в Новое время

Новое время — это период зарождения социальной проблематики в философии с XVII до середины XIX веков, для которого существенным является особое внимание к проблеме происхождения общества и государства. На этом этапе развития в понятийный аппарат социальной философии вписывается категория «общество», ставятся и решаются проблемы сущности и генезиса коллективных форм существования человека, не исчерпывающихся только сферами государства и политики. Рассмотрим основные принципы анализа общества в учениях основных представителей этого периода.

Особенностью социально-философских учений этого периода является то, что при анализе общества поддерживаются те же исследовательские принципы, что и при анализе природы. Из курса философии нам известно, что в это время происходит формирование классической науки и утверждение её исследовательских принципов, таких как механицизм, объективизм, финализм, фундаментализм, имперсональность и т. д. Рассмотрим, как проявлялись эти принципы в социально-философских учениях.

- Механицизм. Это перенос принципов механистической физики на представления о мире и человеке в целом. *В социальном познании соответственно этому принципу общество и составляющие структуры начинают пониматься как один большой механизм.*

Так, государство или гражданское общество в концепциях XVII-XVIII веков уподобляется искусственно созданному механизму, каждая деталь которого выполняет строго заданную функцию. Люди-тела входят в состав другого тела огромной машины-государства, которому добровольно делегируются функции обеспечения благоприятных условий для самосохранения индивидов и недопущения «войны всех против всех», а человек при-

обретает гражданское лицо и статус «детали» государственной машины.

- Объективизм. Принцип, согласно которому реальность, прежде всего физическая, а по аналогии с ней и социальная тоже, трактуется как существующая вне и независимо от человеческого сознания. Тезис, который следует из этого в отношении понимания социального, — *общество существует так же объективно, как и природа, и факт его существования не зависит от воли и желаний человека.*

- Фундаментализм. Это принцип допущения единых оснований, образующих центр-базис познавательного процесса. В отношении общества этот принцип допускает тезис о том, что *природа социального может быть объяснена из какого-либо одного фундаментального основания*, на поиск которого и были настроены социальные мыслители этого периода.

- Финализм. Это установка на достижение полной и завершённой, неизменяемой истины, являющейся венцом и целью познавательного процесса. Применительно к познанию общества этот принцип формулирует тезис о том, что *процесс развития общества осуществляется в соответствии с целями прогресса науки и техники, а его высшей целью — общественной истиной и ценностью — является торжество науки и разума.*

- Имперсональность. Это принцип, требующий субъективной отрешённости знания, т. к. результат процесса познания не должен зависеть от познающего субъекта. В социально-философских учениях Нового времени действие этого принципа проявилось в том, что *субъективная составляющая общества воспринималась как несущественная сторона общественной жизни*, а различные проявления общественного сознания, соответственно, считались вторичными и неважными факторами.

При таком подходе данность социального очевидна так же, как и данность природы и потому не проблематизируется. Общество мыслится как факт эмпирической реальности, объективно существующий в про-

странстве и времени. При этом само пространство и время понимаются как константные, абсолютные характеристики мира.

Такой установке следуют социально-философские учения, сложившиеся в период XVII - нач. XIX веков, и типические черты такого способа концептуализации легко обнаружить в учениях об «общественном договоре». Стало уже традицией говорить о становлении рефлексивного обществознания, начиная с этих концепций. Учениями об общественном договоре принято называть корпус социально-философских трактатов, написанных в XVII-XVIII веках такими мыслителями как Т. Гоббс, Д. Локк, Ж. Руссо. В этих теориях общественному состоянию человека противопоставляется состояние естественное, природное, а под «общественным договором» имеется в виду ряд норм и правил, принятых людьми на основании конвенции (соглашения, договора) для того, чтобы упорядочить совместную жизнь. Подобные теории, объясняющие существование общества на условиях договора (соглашения) были известны гораздо раньше Нового времени, но именно в этот период активизируются попытки вписать их в общую научную теорию и построить по её принципам и канонам.

Основатель социального механицизма Т. Гоббс одним из первых предпринял попытку создания теории государства, соответствующую общенаучной классической парадигме. Согласно Гоббсу, человек от природы не социален, его естественное состояние — природное, эгоистическое, а его естественное право — это право на самосохранение. Однако, если каждый человек, находясь в «естественном состоянии» будет максимально стремиться только к личной выгоде, неизбежна «война всех против всех». Наличие норм и правил (и социальности вообще) хоть и противоречит его сущности, но, с другой стороны, при их отсутствии «ни один человек (как бы силен или мудр он ни был) не может быть уверен в том, что сможет прожить всё то время, которое природа обычно предоставляет челове-

ской жизни»¹. Человек вынужден мириться с властью другого человека и государства в его лице, необходимыми для относительно бесконфликтного существования.

Взаимодействия индивидов в обществе упорядочиваются только властью – никаких других социальных связей, принципиально регулирующих отношения людей, Гоббс не рассматривает. Таким образом, сохранён ещё античный способ объяснения коллективных форм жизни. Как уже отмечалось в п. 1, самые ранние теории, исследующие их особенности, создавались как учения о государстве и политике. Размежевание политических проблем от проблем, связанных с понятием «гражданского общества» в этот период только наметились, но их осуществление приходится на более позднее время.

Следовательно, социальность человека есть результат проявления внешних, чуждых и противоречащих его сущности сил. Возможность создания «договора» и его предпосылочность не рефлексивируется. Поэтому общая установка, которой следует Гоббс, предполагает возможным говорить о *трансцендентности* социальной реальности. Под трансцендентностью в данном случае будем иметь в виду то, что исследование социальной реальности исходит из принципа её *иноприродности, чуждости и даже потустороонности* самому человеку. В силу того, что люди, составляющие общество, суть самодостаточные изолированные атомы, социальные связи устанавливаются не конкретно кем-то одним из них, а каким-то образом даются всем сразу на основании такого внешнего, абсолютного установления, которое уже существует как очевидная, сама себя проявляющая данность.

---

¹ Гоббс Т. Сочинения: В 2 т. — М., 1991. Т. 2. — С. 99.

Итак, общественная жизнь – следствие добровольно-вынужденного договора, обеспечивающего поддержание «естественности» в одинаковой степени для большого количества людей. Однако именно в этом понятии естественного, как отмечает Ю. Н. Давыдов², скрывается особого рода двойственность.

С одной стороны, естественными называются природные способности человека, которые поддерживают жизнь и состояние тела равными себе (по аналогии с принципом механики, согласно которому естественным движением тела, не встречающего на пути препятствий, будет движение прямолинейное и равномерное). Естественное состояние обеспечивается естественными правами: правом на жизнь, свободу и собственность.

С другой стороны, естественными являются также и законы разума, регулирующие пределы допустимости в выборе средств борьбы. Понятие «естественный» используется Гоббсом для характеристики статуса законов и в этом смысле трактуется как естественно правильный, изначально данный как очевидно истинный. Такой разум или закон не есть свойство отдельных индивидов и даже не свойство всех людей вместе, пришедших к соглашению. Это всеобщий закон, внешний и объективный по отношению к человеку. «Закон есть некий правый разум, который называется также естественным. /.../ Следовательно, естественный закон, как бы я его определил, есть веление правого разума относительно того, что нужно делать и от чего следует отказываться для наиболее продолжительного сохранения жизни и здоровья»³.

Совершенно очевидно, что естественность такого рода весьма спорна и даже противоречива первому толкованию этого понятия в случае, ко-

---

² История теоретической социологии: В 5 т. — М., 1995. Т.1

³ Гоббс Т. Сочинения: В 2 т. — М., 1991. Т. 2. — С. 310-311.

гда речь идет о праве. И действительно, сам Гоббс отмечает единственный источник «естественности» такого рода – мораль, то есть этот закон может иметь либо априорную, либо трансцендентную основу. «Естественный закон то же самое, что закон моральный», «...естественные законы образуют сущность моральной философии». Таким образом, заключение общественного договора есть следствие действия этого морального естественного закона, движимого Божьей волей и трансцендентного по природе.

Подобно Гоббсу, Д. Локк исходит из разделения «естественного» и «общественного» состояний. «Политическое общество налицо лишь там и только там, где каждый из его членов отказался от этой естественной власти, передав её в руки общества во всех случаях, которые не препятствуют ему обращаться за защитой к закону, установленному этим обществом»⁴.

Согласно и Гоббсу, и Локку, передача человеком части своих естественных прав, — таких как право на полную свободу и на защиту собственности и жизни — и является моментом возникновения общества, «заключения договора». Итак, в теориях общественного договора общество понималось как целостность, которая осуществляет свою деятельность с согласия самих индивидов и содержит те структурные элементы, которые превращают их хаотическое скопление в упорядоченную систему.

Важным моментом такого подхода является то, что это упорядочивание осуществляется за счет действия внешних, объективных законов. Властные — они же общественные — механизмы отчуждены от индивида и существуют как самостоятельные надличностные структуры. Момент «заключения договора» невозможно ни описать, ни определить точно во времени, следовательно, сама его возможность иноприродна человеку, преддана ему и поэтому не проблематизируется. В этом смысле наиболее показательным является тот факт, что Локк вообще не делает различий

---

⁴Там же.

между понятиями «закон природы», «закон разума» и «Божья воля» опять-таки в силу изначальной ясности проблемы оснований. Закон и Божья воля – вот единственные мыслимые основания, настолько очевидные, что никакой проблемы тут просто не может возникнуть.

Аналогичным образом Ш. Монтескье, давая классификацию законов общественной жизни, указывал на то, что все они – частные случаи единого, объективного универсального Закона. Его суть не может быть сведена ни к какому основанию, ибо он сам суть всего и проявляется везде, регулируя не только отношения между людьми, но и между физическим и разумным мирами. Кстати, у Монтескье также встречается указание на принципиальное противоречие внутренней природы человека, расколотого на носителя абсолютного закона с одной стороны, и относительного разума с другой, — то, что у Гоббса было замечено как противоречие в трактовках понятия «естественного».

Анализ новоевропейских социальных концепций позволяет говорить о том, что уже первые теории интерпретировали социальное как априорно (до опыта) данную сущность, в основе которой лежит трансцендентная по своей сути возможность «заключения договора». В дальнейшем пристальное внимание философов к социально-политической проблематике приведёт к созданию целого ряда объяснительных моделей, пытающихся проблематизировать то, что было очевидным для Гоббса и Локка.

Принципиальное значение для дальнейшего становления социальной методологии имела локализация собственного проблемного поля. Уже отмечалось, что со времен Платона и Аристотеля до Локка социальное и политическое не дифференцируются. Однако с XVIII века можно заметить тенденцию постепенного разграничения понятий, наметившуюся, прежде всего, в контексте обособления проблематики, связанной с государством и политикой, от проблем гражданского общества.

В этот же период и в контексте тех же учений формируется исследовательская программа *социального объективизма и субстанциализма*, в русле которой позднее создаются социологические теории К. Маркса и О. Конта. Эта программа, фактически, может считаться первой легитимно оформленной *онтологией социального*. Она появляется в виде социального субстанциализма — такой концепции, которая нацелена на выявление предельного основания, объясняющего специфику и сущность социальной реальности, как реальности особого рода, не сводимой к традиционной дихотомии материального-идеального. Отметим общую для всех представителей субстанциализма ориентацию, — это нацеленность на поиск «того, что» — т. е. на выделение некоторой части сущего, которая среди прочего сущего отличалась бы тем, что могла бы быть причиной и предпосылкой всех остальных частей. Проблема оснований — первооснований — по отношению к самой субстанции снимается в силу прозрачности «естественной» установки, следовательно, социальная реальность воспринимается как простой факт, наличие которого абсолютно достоверно и изучается как часть, фрагмент единого, недифференцированного мира, понятого как один большой механизм.

В структуре этого механизма наиболее явленными выступают те связи между людьми, которые обеспечивают воспроизводство основных форм жизни — т. е. связи материально-производственного характера, на которые в первую очередь обращают внимание такие новоевропейские мыслители как Ш. Монтескье, А. Смит, а позже и К. Маркс. Изучение общества с позиций объективизма вполне последовательно приводит к признанию исключительной важности этих связей, т. к. они представляют такую сферу социальной реальности, которая наименее «субъективно» нагружена и наиболее отчуждена от конкретной, индивидуальной человеческой деятельности. В силу этих обстоятельств материально-производственные от-

ношения фиксируют тот аспект социальной реальности, который может выступать в контексте философских учений Нового времени, как предмет исследования, существующий относительно независимо от самого исследователя. Значит, общество, несмотря на то, что носителями связей и отношений являются люди, в целом может быть объектом изучения так же, как и природа, оно дано в процессе познания как нечто, противопоставленное субъекту. Именно поэтому и стала возможной наука об обществе, созданная, хоть и несколько позже, но все же по образцу наук о природе.

Несомненная продуктивность этого подхода очевидна так же, как и его недостаточность. Трансцендентное основание ускользает от рефлексии, ставя перед исследователем новую задачу — необходимость поиска другого основания в сфере сущего, которое полагается за предельное (субстанции). Кроме этого, признание объективности как фундаментальной черты социальной реальности во многом искажает специфику её природы, вуалируя тот факт, что сущность социальности в значительной степени нагружена субъективной составляющей.

2.3. Социальные науки и философия в период с середины XIX до начала XX веков

В этот период происходит оформление социальных проблем в отдельный корпус наук, свидетельством чему явилось появление социологии и становление классической традиции в социальных науках. Активно обсуждается не только проблема происхождения общества, но и его структуры, а также специфики социального как особого «региона» бытия. Все важнейшие проблемы современной социальной философии, фактически, были сформулированы ещё в это время. Характерным для этого этапа является преимущественно *объективистский* характер исследований социальной реальности с позиций *субстанциализма*, однако, по сравнению с

предыдущим периодом, существенное внимание начинают привлекать и субъективные факторы. Так, например, пространство поиска субстанции социального в некоторых учениях этого периода уже переносится в сферу субъективных проявлений общества. Главные представители этого периода: К. Маркс, О. Конт, М. Вебер, Э. Дюркгейм, Г. Зиммель, П. Сорокин и др. Рассмотрим основные положения некоторых из этих учений.

Как уже упоминалось, по-прежнему популярными оставались учения, нацеленные на поиск субстанции социального. Одним из первых достаточно ярких представителей субстанциального подхода можно назвать К. Маркса. Именно в его учении общество начинает трактоваться как иерархическая система, элементы которой диалектически взаимосвязаны и функционируют согласно объективным законам развития. Онтологическую укоренённость социального Маркс совершенно чётко выводит в следующих постулатах: во-первых, это реальность особого рода, не сводимая к дихотомии «материальное – идеальное»; во-вторых, первичной, базовой (субстанциальной) структурой, обеспечивающей социальную целостность, является сфера материально-экономических, производственных отношений. Кроме этого, существенным достижением марксистской социальной теории является попытка преодоления механицизма прежних учений. Если в учениях новоевропейских философов, как уже говорилось, общество понималось как механизм, состоящий из частей, то Маркс обратил внимание на то, что главным в понимании сущности общества являются не части, составляющие его, а *отношения* между ними. Так появляется одно из первых классических определений общества, согласно которому оно уже не понимается просто как сумма людей, а *совокупность связей и отношений между ними*.

Правда, некоторые исследователи считают, что «базовым онтологическим основанием общества являются индивиды»⁵, но все соглашаются с тем, что индивид у Маркса понимается в уже изначально заданном социальном контексте. Д. Лукач в связи с этим отмечает: «Маркс рассматривает неразрывное единство рода и индивида как основной факт бытия, требующий безусловного признания и практически-теоретического применения и не нуждающийся ни в каком доказательстве своего бытия»⁶. Родовая, или социальная сущность человека, таким образом, априорна и очевидна, в силу чего не нуждается в доказательстве, а наоборот, сама объясняет и доказывает все особенности не только в поведении и жизнедеятельности отдельного человека, но и в функционировании всей огромной социальной системы.

Итак, у Маркса субстанциальным основанием социального выступает предметно-практическая, материальная деятельность людей. Субстанциальный подход проявляется буквально во всех социально-философских учениях XIX-начала XX веков. Это даёт основание предположить, что период социологической классики, традиционно связываемый с творчеством таких мыслителей как Э. Дюркгейм, М. Вебер, Г. Зиммель и др., можно назвать временем господства субстанционального подхода в построении социальной теории. Возможность рассмотрения этих учений с точки зрения социального субстанциализма будет обоснована в ходе дальнейших рассуждений. Сведение указанных теорий к одному онтологическому основанию само по себе достаточно непривычно, т. к. речь идет об очень ярких и совершенно непохожих друг на друга исследователях. Тем не менее,

---

⁵Штомпка П. Социология социальных изменений. — М., 1996. — С. 211.

⁶Лукач Д. К онтологии общественного бытия. Прологомены. — М., 1991. — С. 73.

представляется, что некоторая общность в исходных принципах позволяет выявить устойчивый инвариант – онтологическую конструкцию, выполняющую функцию первоосновы, хотя и называющуюся в каждом учении по-разному.

Впервые проблема оснований социального была четко поставлена в работах Г. Зиммеля. Задав почти кантианский вопрос: «Как возможно общество?», философ подробно проанализировал не только различные формы и способы функционирования социальной реальности, но и объяснил «какова же именно всеобщая и априорная основа, какие предпосылки должны действовать для того, чтобы отдельные, конкретные процессы в индивидуальном сознании были реальными процессами социализации»⁷. К этому времени совершенно очевидным признавался тот факт, что целое не сводимо к простой сумме отдельных частей и поэтому невозможно объяснить сущность общества, исходя из свойств и характеров, входящих в него индивидов. «Понятие общества имеет смысл, очевидно, только в том случае, если оно так или иначе противопоставляется простой сумме отдельных людей»⁸.

Более того, бесперспективными признаются также и попытки абсолютизации одной из сфер социального. Структурные компоненты не могут играть роль детерминант, т. к. и в этом случае мы также пытаемся объяснить сущность системы, исходя из свойств её элементов.

«Новый» субстанционализм, представленный именами Г. Зиммеля и М. Вебера, существенно изменяет классическую парадигму прежде всего тем, что начинает переносить пространство поиска первоосновы социальных отношений в сферу субъективного. Например, Зиммель пытается

---

⁷Зиммель Г. Избранное: В 2 т. — М., 1996. Т. 2. — С. 513.

⁸Зиммель Г. Избранное: В 2 т. — М., 1996. Т.2. — С. 311.

объяснить социальное, не указывая на субстанциональность структурных элементов внешнего порядка. Общество есть прежде всего *мыслимая реальность*. Следовательно, анализ социального должен производиться как рефлексия над этой «мыслимостью». Наряду с этим сохраняет свои позиции и вариант субстанциализма, более тяготеющий к классическому. В XX веке он представлен «социологизмом» Э. Дюркгейма.

Г. Зиммель понимает общество как совокупность всех «форм» и подробно объясняет его сущность через принципиальную обобщённость восприятия «Другого Я». Общество и природа как объекты познания даны нам совершенно по-разному. В случае социального исследования констатация единства общества осуществляется самими «элементами» системы, т. е. субъектами, каждый из которых одновременно является частью изучаемого целого. Кроме того, при изучении такой сложноорганизованной целостности, как общество, исследователь с необходимостью сталкивается с самыми противоречивыми вариантами решений одной и той же проблемы. Это «доказывает своеобразный характер социального материала, не поддающегося вследствие своей сложности никаким точным расчётам»⁹.

Ситуация, в которую попадает социальный исследователь, требует постоянного возврата к казалось бы очевидному вопросу: «Как возможно общество?». Тот факт, что такой вопрос, наконец, был задан, позволяет считать социологию Зиммеля принципиально новой страницей в истории социально-философских учений. Конкретизируя основную задачу социального исследователя, он так поясняет суть основной проблемы социальной философии: «Итак, вопрос заключается в следующем: какова же именно всеобщая и априорная основа, какие предпосылки должны действовать для того, чтобы отдельные, конкретные процессы в индивидуальном сознании были реальными процессами социализации, какие из содер-

---

⁹Зиммель Г. Избранное: В 2 т. — М., 1996. Т. 2. — С. 310.

жащихся в них элементов делают возможным в качестве результата, абстрактно выражаясь, производство из индивидов общественного единства?»¹⁰

Такая всеобщая априорная основа, по мнению философа, может быть найдена только в самих «индивидуальных сознаниях» и предпосылки её заключаются в том, что каждое индивидуальное сознание способно к постижению мира в обобщённых образах. Эту способность к получению обобщённых представлений Зиммель называет способностью к формообразованию. Формообразование работает как на индивидуальном, так и на всеобщем уровне. Так, на уровне индивидуального сознания оно проявляется как принципиально обобщённое восприятие Другого Я: «Мы видим Другого в некотором роде обобщённо», «Мы представляем себе каждого человека /.../ как тип, к которому он принадлежит в силу своей индивидуальности, мы мысленно подводим его, наряду со всей его единственностью, под некую всеобщую категорию»¹¹. Но содержание нашего отдельного представления ещё не имеет отношения к социальному, поэтому на уровне всеобщем процесс формообразования приводит к появлению различных форм социальной жизни, которые и составляют общество. Взаимоотношения между индивидами, по мнению Зиммеля, носят характер социальных только в случае, если они приобретают всеобщезначимую форму. Каждый конкретный индивид становится членом общества тогда, когда вступает в отношения, носящие принципиально всеобщий характер, относительно независимые от его собственного волеизъявления. Формы таких отношений он не устанавливает, он просто находит их готовыми. Знание, право, мораль — всё это объединяет людей, задаёт

---

¹⁰Там же. С. 513.

¹¹Зиммель Г. Избранное: В 2 т. — М., 1996. Т. 2. — С. 514.

некую всеобщую и априорную основу, составляет особую — объективно-надличностную — форму существования.

В этом смысле Зиммель трактует общество как максимально всеобщую форму, абстрактную сущность, обобщающую и включающую в себя все известные формы взаимодействия людей. Как отмечает А. Ф. Филиппов, анализируя социологию Зиммеля, общество « есть абстрактное общее понятие этих форм, род, видами которого они являются, либо та или иная действенная сумма этих видов»¹². Взаимодействие между индивидами всегда носит социальный характер, потому что изначально включено в контекст других взаимодействий, неразрывные, обширные связи между которыми и образуют теоретическую модель, называемую обществом.

Формы как принципы, объединяющие в себе всё содержательное многообразие взаимодействий, упорядочены в пространстве. Образ социальной реальности в формальной социологии Зиммеля предстаёт как совокупность пространственно локализованных, организованных форм. Всякий индивид, вступающий в известное пространственное сосуществование с другими, включается в тот или иной процесс обобществления. Таким образом, иерархичность формальных структур предполагает существование пространства, в котором разворачивается их содержание.

В современной социологической науке тематика пространства актуализируется всё активнее. Отметим, что принципиальное значение имеет сам факт появления этого понятия, свидетельствующий о том, что социальное познание проходит определённую рефлексивную эволюцию с мо-

---

¹²Филиппов А. Ф. Обоснование теоретической социологии: Введение в концепцию Георга Зиммеля // Зиммель Г. Избранное: В 2 т. — М., 1996. Т. 2. — С. 574.

мента своего возникновения, проявляющуюся в постепенном усложнении категориального аппарата и проработке исходных понятий.

Приблизительно в одно время с работами Зиммеля возникают социологические школы, которые также актуализируют проблему пространственности социальных взаимодействий и предлагают свои способы концептуализации. Отметим традицию американской социологии: Кули, Дьюи, Чикагскую школу, Д. Мида, а также взгляды П. Сорокина. Начиная с этого времени понятие «социальное пространство» не просто становится основополагающим, но и задаёт особую методологию исследования, нацеленную на предметный, «телесный аспект социальности»¹³.

Усложнение и уточнение категориального аппарата, характерное для этого периода развития социально-философского знания, свидетельствует о начале периода саморефлексии. Наука об обществе очень быстро актуализировала проблему поиска своего предмета. Субстанциализм Маркса и Конта, характерный для периода философской «классики» сменяется субстанциализмом Зиммеля. В отличие от Маркса, в его концепции ни одна из сфер не называется как субстанциональная. Речь идёт о субстанциональности формы как таковой.

Э. Дюркгейм, в отличие от Зиммеля, создаёт концепцию, более напоминающую именно классический тип субстанциализма. Для объяснения специфики социального предлагается термин «социальный факт». Реальность общества есть факт, основанный на частных фактах, среди которых такие эмпирические фиксируемые явления, как деятельность классов, групп, коллективов, а также существование социальных и политических институтов, материального производства, науки, языка и т. д. По сравне-

---

¹³ Филиппов А. Ф. Большое пространство: возможности социологического изучения // Социологические чтения. — М., 1989. — С. 188-189.

нию с «формами», «факты» не обусловлены деятельностью субъектов, для них характерна объективность. Надиндивидуальность социальной реальности никак не выводима из реальности индивидуально-субъективной. Данность общества — такова же, что и данность природы, оно есть некий универсум, включающий в себя все уникальные человеческие единичности. Общество — это особая реальность, обладающая силой диктата над индивидами. Всё поведение отдельных его членов детерминировано той или иной совокупностью социальных фактов. Объективность этих фактов выступает своего рода гарантом научности социологии и придаёт ей статус позитивной науки.

Специфика социальной реальности, по мнению Дюркгейма, очевидна настолько, что не требует особых доказательств. В конечном счете, любое знание социально обусловлено. Это означает, что реальность общества является той единственно возможной исходной реальностью, в которой укоренена наука и деятельность вообще. Кроме этого, поведение и мотивация индивидов жёстко детерминировано системой социальных институтов. Механизмы подавления сущностно неотъемлемы от общества, представляя самые устойчивые его структуры. Всё это даёт основания полагать, что общество можно рассматривать вне индивидуально-личностного контекста отдельных его членов, только не так, как у Зиммеля — совокупность относительно автономных форм, — а как совершенно самостоятельную, объективно противоположенную индивиду и иноприродную ему реальность.

Объективность социальных фактов, по мнению Дюркгейма, создаёт необходимость в том, чтобы индивиды считались с их проявлениями. Согласованность в жизнедеятельности отдельных людей появляется потому, что ряд обнаруживаемых «фактов» принуждает их к выработке единой стратегии в поведении. Именно поэтому общество как субъективная ре-

альность основано на идее консенсуса. Так, что в социологии Дюркгейма чётко прослеживается линия, идущая от Гоббса и Локка. Идея консолидации (договора), как сущностно неотъемлемая от общества в целом, идея иноприродности социальной реальности по отношению к конкретному индивиду, — именно эти идеи подчёркивались нами как характерные для предыдущего периода.

Ещё одним выдающимся представителем этого периода был немецкий социолог Макс Вебер. Основой его концепции и элементарной единицей социологического анализа выступает понятие «социального действия», посредством которого индивид реализует свои интересы и поддерживает социальную солидарность. Ключевой характеристикой социального действия является его целерациональный характер. Это означает, что такое действие чётко направлено на достижение цели максимально быстро и с минимальными издержками. Следует подчеркнуть особое значение концепции Вебера и её исключительность в том, что именно в его трактовке понятие о субстанциональности переносится в сферу деятельности. Факт появления категории социального действия вообще открывает новую страницу в онтологии социального. Действие, трактуемое в самом широком смысле как социальное действие, начинает пониматься как основание, а не как способ существования реальности, не как её сущностная и неотъемлемая характеристика, а как *сама сущность и чистая предпосылочность*.

Специфика и сущность социального, следовательно, может быть объяснена через описание различных сфер деятельности. Общество в рамках такого подхода трактуется как некая идеальная сущность (идеальный тип), определяющая себя как глобальную структуру по реализации деятельностных программ. Действие индивида приобретает статус социального в том случае, если ожидаемый результат не может быть достигнут в

одинокую и зависит от результата, полученного другими индивидами или группами индивидов. Нетрудно заметить, что системы производства, распределения и потребления продуктов труда, участие в политической и религиозной жизни, потребление и распространение информации — всё это обеспечивает участие индивидов в тех или иных деятельностных программах.

Так же, как и Маркс, Вебер подчёркивает особую значимость экономической деятельности в структуре общественных отношений. Материальные интересы изначально доминируют в иерархии видов деятельности, но не являются единственным мотивом обобществления индивидов. Вебер подробно анализирует различные виды деятельностных программ, показывая их взаимообусловленность и синтетичность. Религиозная, семейно-бытовая, профессиональная, политическая сферы одновременно могут рассматриваться как своеобразные социальные программы, консолидирующие и концентрирующие вокруг себя казалось бы разрозненных, никак не организованных индивидов.

Таким образом, изучение социальности как таковой неизменно отсылает исследователя к признанию первичности (субстанциональности) действия как сущности субъекта. Абстракция более высокого порядка просто немыслима. Следовательно, признав субстанциональность действия, социолог выходит тем самым на круг проблем, связанных с общей теорией деятельности и обнаруживающих себя в качестве предельных — т. е., собственно философских проблем.

Начиная с М. Вебера, социальное познание развивается в двух, ставших уже традиционными направлениях: структурализм и функционализм с одной стороны, и герменевтика и интерпретативная социология с другой (классификация Э. Гидденса). Характер отличий и специфику каждого из них отмечают многие современные исследователи, в том числе и

учёные, работающие, как считается, в контексте методологии постмодерна. Гидденс, отмечая это противопоставление, пишет, что герменевтика и интерпретативная социология, в отличие от всех видов объективистских направлений, считают субъективность изначальным центром опыта, культуры и истории. Именно в этом состоит несомненное преимущество этих подходов: « В то время, как для школ и направлений, которые тяготеют к натурализму, субъективность представляла собой некую загадку или даже остаточное явление, для герменевтики скрытым является как раз мир природы, который, в отличие от человеческой деятельности, можно понять только со стороны»¹⁴. Приоритетными категориями в этих направлениях становятся категории «действия» и «значения» в отличие от объективистских «структур».

Радикальные метаморфозы субстанциализма в первой половине XX века с неизбежностью выводят нас на следующую проблему: правомерно ли в таком случае вообще говорить о субстанции и тем более приписывать этот статус категории «действие»? Действительно, как будет показано далее, герменевтическая и интерпретативная социология основаны на совершенно иной методологии — феноменологической. Тем не менее, есть основания считать, что взгляды М. Вебера сочетают в себе характерные черты субстанциализма (хоть и в неклассическом его варианте) с идеями, непосредственно предшествующими и очень близкими тем, которые позже будут отрефлексированы и приняты в качестве феноменологической методологии.

«Социальное действие» становится таким понятием, которое формирует новые приоритеты исследований, заявляя о правах «субъективизма»

---

¹⁴Современная социальная теория: Бурдьё, Гидденс, Хабермас. — Новосибирск, 1995. — С. 41.

на статус особого методологического принципа. Т. Парсонс, один из авторитетных сторонников социологической теории действия, считал субъективизм необходимым допущением своей системы, т. к. «она имеет дело с явлениями, с предметами и событиями, как они представляются тому актору, действие которого анализируется и подвергается рассмотрению»¹⁵. Радикально обновлённая социальная наука находила свой предмет в «ценностно отнесённой человеческой деятельности, взятой как деятельность конкретных индивидов, поступающих (как правило) в здравом уме и трезвой памяти, а потому полностью ответственных за свои «проступки», коль скоро они могут быть вменены им как их собственные, а не чужие». Это и был тот решительный разрыв с «натуралистической» традицией О. Конта и К. Маркса, который предопределял то новое и перспективное, что несла с собой социология нашего, XX столетия»¹⁶.

2.4. Социально-философская проблематика в современный период

Наряду с проблематикой, сформированной в предыдущий период, в это время происходит окончательное утверждение такой исследовательской установки как *субъективизм*. Огромное влияние на формирование субъективистских социально-философских учений оказывает такое направление как феноменология. Основатель этого направления немецкий философ Э. Гуссерль специально не рассматривал социальные проблемы, тем не менее, сделанные им выводы оказали существенное влияние на

---

¹⁵Парсонс Т. О структуре социального действия. — М., 2000. — С. 97.

¹⁶Давыдов Ю. Н. Макс Вебер и современная теоретическая социология. — М., 1998. — С. 88.

дальнейшее развитие социальных наук. Начиная с Гуссерля, происходит утверждение феноменологического метода исследования социальной реальности, сущность которого сводится к тому, что все предметы окружающего мира воспринимаются только как феномены сознания. Изучение феноменов возможно не как открытие каких-либо закономерностей, а только лишь как описание способов их данности сознанию. По мнению Гуссерля, не может быть никакой объективности, поскольку всё в мире опосредовано деятельностью сознания. Поэтому все предметы, включая социальную реальность, исследователь должен изучать как очевидно данную сознанию, являющуюся ему в своей повседневной открытости. Так утверждается установка на изучение жизненного мира, и предметом внимания учёных становится проблематика повседневности, а в социальной философии постепенно формируется направление, признающее человеческую субъективность не только важным фактором социальности, но и активной стороной социального процесса. Так, например, в 60-е годы складывается направление феноменологической социологии знания, представители которого П. Бергман и П. Лукман отмечали, что каждый из социальных агентов является не только и не столько субъектом социального действия, сколько его автором. Поэтому вся социальная реальность в целом может трактоваться как постоянно создающееся произведение, которое конструируется самими его участниками.

Значительное внимание, как уже было сказано, во второй половине XX века уделяется также проблемам языкового и игрового характера социальности, в контексте изучения которых начинают по-новому интерпретироваться проблемы власти, прогресса, лидерства, социальной маргинальности. Особое значение приобретает также исследование кризисных состояний социума, направленное на построение методологии изучения динамичной и постоянно меняющейся социальной реальности. Отметим,

что в конце XX века социальная проблематика в разных её вариантах начинает пользоваться повышенным интересом исследователей, поэтому современная социальная философия представлена огромным количеством учений и концепций, представляющих самые разнообразные методологические стратегии: от традиционно-объективистской до постмодернистской. К числу ведущих представителей современной социальной философии можно отнести как философов, так и социологов, среди которых наиболее известны: А. Шюц, Р. Арон, П. Бергер, Г. Лукман, П. Бурдьё, Ю. Хабермас, Э. Гидденс, П. Штомпка, А. Гоулднер, К. Мангейм, Л. Гольдман, Н. Луман. Из отечественных исследователей наиболее известны А. Ф. Филиппов, Ю. Н. Давыдов, Л. Г. Ионин, В. А. Ядов, Ю. Л. Качанов и др.

ГЛАВА 3. Актуальные проблемы социальной философии и современность

Общие проблемы социальной философии, о которых шла речь в главе 1, не исчерпывают содержание социально-философской проблематики. Многообразие проявления форм социального позволяет говорить о том, что все проблемы, касающиеся развития общества и связанные с его состоянием в тот или иной период времени также являются социально-философскими. В главе 3 обозначаются проблемные блоки социально-философского знания. Многие из них на специальном уровне исследований выделяются в отдельные дисциплины, но все они могут быть включены в общий корпус социальной философии на уровне решения основных теоретических вопросов. В данной главе даётся общий очерк предметного и проблемного содержания этих разделов, их краткая характеристика.

3.1. Философия истории: этапы развития, специфика изучаемых проблем, современное состояние

Проблемы философии истории попадают в поле интереса мыслителей ещё в древности, но только начиная с Нового времени, происходит постепенное их оформление в систематическую концепцию. Появление термина «философия истории» связывают с именем французского философа XVIII века В. Вольтера. Он предложил так обозначить раздел знания, изучающего обобщённые представления об истории. В знаменитой «Энциклопедии», изданной в XVIII веке Дидро и Д'Аламбером, он писал: «История — это изложение фактов, приведённых в качестве истинных, в противоположность басне, которая является изложением фактов ложных». Сейчас под философией истории имеют в виду социально-философскую концепцию, нацеленную на осмысление исторического процесса в целом и анализ методологических проблем исторического познания. Начиная с

XVIII-XIX веков постепенно формируется исследовательское пространство философии истории, задаваемое следующими проблемами:

- Является ли история единым процессом, в котором разворачиваются универсальные для всех конкретных народов и культур формы, или же существуют разные истории разных народов, и нет никакой истории человечества в целом? Можно ли, в связи с этим, моделировать и типологизировать исторический процесс, говоря о делении истории на эпохи и периоды?
- Имеет ли исторический процесс характер необходимости, задаваемой наличием смысла и цели, или же всё происходит случайно, хаотично и бессмысленно?
- Существует ли какое-либо направление исторического развития? Меняется ли оно со временем?
- Можно ли предполагать наличие финала истории?
- Является ли исторический процесс выражением действия некой объективной силы или же он есть результат деятельности человека? Если существует объективная движущая сила истории, можно ли говорить о наличии предопределённости и тотальной закономерности исторического развития? Если такой силы не существует, значит ли это, что человек в состоянии контролировать и направлять ход исторического процесса?
- И, наконец, большой корпус проблем, связанный с определением статуса истории как науки, и дискуссий по поводу адекватной методологии исторического исследования.

В процессе становления философии истории были выработаны различные подходы к решению названных проблем. Отметим наиболее значительные из них, сложившиеся в рамках представления о том, что история — это процесс *объективный, закономерный и необратимый*. С

такими принципами согласно большинство авторов, однако, далеко не все из них разделяют ту точку зрения, согласно которой формы исторического развития универсальны для всех народов и культур. Поэтому в решении проблемы крупномасштабного деления истории можно выделить несколько подходов. Первый — *формационный подход* — сформулирован в концепции исторического материализма К. Маркса. Согласно этому подходу, человеческая история делится на большие периоды — формации, специфика которой зависит от способа материального производства, характерного для данной эпохи. Маркс описал 5 таких формаций: первобытнообщинная, рабовладельческая, феодальная, капиталистическая, коммунистическая. Такие формации проходят все страны и народы в разное время, их существование — есть историческая закономерность и необходимость. Формационная теория Маркса была одной из первых попыток упорядоченного и системного рассмотрения истории цивилизации как единого общемирового процесса, поддающегося научному объяснению и моделированию. С момента своего возникновения формационный подход приобрёл научно-методологический статус, что способствовало росту исследовательского интереса к социально-экономической проблематике в целом. Вместе с тем, появились и критические мнения, авторы которых подчёркивали неправомерность такого широкого обобщения, который предлагается термином «формация». Представители противоположного подхода настаивали на том, что история не является единой для всех, поскольку далеко не все страны и народы проходят формационный путь развития. Последовательность прохождения такого исторического пути характерна только для большинства европейских стран, поэтому уникальность исторического опыта многих неевропейских культур не учитывается, и очевидно, что формационный подход не может претендовать на уни-

версальность. Более того, в ходе общечеловеческой истории с регулярностью возникают прецеденты, когда в укладе одного общества сочетаются характеристики разных формаций.

Данные недостатки попытались преодолеть представители *цивилизационного подхода (теорий круговорота)*. Сущность его сводится к той точке зрения, что нет никакой общечеловеческой истории, есть история разных народов, культур (О. Шпенглер), цивилизаций (А. Тойнби) или культурно-исторических типов (Н. Я. Данилевский). Таких локальных историй столько, сколько существовало своеобразных культур (от 7 до 13), при этом каждая из них в процессе своего развития проходит примерно одинаковые стадии: зарождение, становление, расцвет, упадок и гибель. Основная идея этого подхода опирается на ещё древние представления о цикличности исторического процесса, характерные для взглядов античных и древневосточных философов.

Третий подход — *миросистемный* — разработан современным американским исследователем Иммануилом Валлерстайном. Он представляет собой попытку модернизации формационного подхода и построение модели мировых систем с учётом мировоззренческого компонента. Таким образом, все, представленные случаи локальной истории можно разделить на 3 большие группы «мировых систем»:

1. Мини-системы. Это малые в пространстве, гомогенные структуры с логикой самообеспечения и натурального обмена. В мировой истории такому виду соответствуют традиционные общества, например, родоплеменные сообщества. Миропорядок в рамках такого типа обществ обеспечивается доминантами мифологического сознания, предписывающего правильное поведение и устанавливающего сакральные нормы.

2. Миры-империи. Это широкие политические структуры с логикой взимания дани у самоуправляемых общностей и централизованного пере-

распределения. Этому типу соответствуют аграрные империи, существующие в разное время, но похожие по укладу. Например, такие как Египет, Вавилон, Древний Рим, империя Македонского, арабские эмираты, древний и средневековый Китай. Ведущей формой мировоззрения для таких обществ выступает религиозное сознание.

3. Миры-экономики. Это цепи интегрированных производительных общностей, имеющие политически разветвлённую структуру, с логикой получения сверхприбыли в пользу звеньев-монополистов. Этому типу систем соответствуют современные индустриальные государства и политико-экономические блоки государств. Господствующей формой мировоззрения в рамках таких систем выступает идеология. Подобная классификация, так же как и предыдущие, является условной и обобщающей. Однако, она позволяет зафиксировать возможность диссонансного развития стран и народов, находящихся в рамках одного хронологического периода на совершенно разных уровнях развития. Кроме этого, несомненным преимуществом этой схемы мировой истории является то, что она рассматривает мир как целостную систему.

Очевидно, что проблематика философии истории имеет самое непосредственное отношение к историческому исследованию как виду научного познания, поэтому данный раздел социально-философского знания наиболее тесно связан с теоретической историей. В рамках философии истории были разработаны различные варианты крупномасштабного деления истории по периодам, эпохам, цивилизациям и культурам, обозначены возможные подходы к пониманию истории как линейного или циклического процесса, ведутся дискуссии по проблемам методологии исторического познания.

3.2. Философия политики

Политика и политическая жизнь являются наиболее древними темами из всего корпуса социально-философской проблематики. Возникновение первых политических учений по времени почти совпадает с появлением философии. Уже отмечалось, что история социальной философии начинается с постановки проблем, связанных с государством и политикой. И поэтому отмеченный нами первый период (см. главу 2) в истории становления и развития социальной философии можно считать одновременно периодом создания классических работ по философии политической.

До сегодняшнего дня политические проблемы представляют важнейший тематический раздел социально-философского знания, несмотря на то, что в современном социальном познании уже существует целый блок политических наук. Эти науки решают проблемы, связанные с темой политических отношений, политических систем и политических технологий. При отсутствии жёстких границ между философией политики и политической наукой, существуют такие проблемы, которые входят в пространство компетенции философа в большей степени, чем политолога. Это такие группы проблем как:

- проблемы, связанные с определением специфики и сущности политического сознания и его детерминант;
- проблемы методологии политических исследований и специфики предмета политических наук;
- проблема соотношения политики с другими сферами жизни общества. В частности, например, особенно актуальной является уже на протяжении не одного столетия проблема соотношения морали и политики, нравственных оснований политического сознания, политических ценностей и их роли в жизни общества.

- проблема соотношения личности, гражданского общества и государства;
- проблемы свободы и необходимости, подчинения, власти, агрессии, насилия и ненасиления, в общем контексте решения которых приобретают смысл проблемы политических свобод, политического господства, политической власти, политической борьбы насильственными или ненасильственными методами. При решении этих проблем как политических, философия позволяет задать более общий горизонт исследования, обозначить общекультурный фон, который необходимо учитывать при выработке возможных вариантов решения данных проблем.

Особенно дискуссионной в течение последних нескольких лет является проблема определения предмета политической философии и его отличий от политической науки. Объясняется это тем, что в современной ситуации классические вопросы политической философии — о свободе, справедливости, равенстве и т. д. — не только не были сняты, но, напротив, приобрели новый смысл и новые трактовки. Свидетельством этого внимания к политико-философским проблемам является серия дискуссий и «круглых столов», развернувшихся на страницах журналов «Полис» и «Вопросы философии» в 2001-2002 гг. Так, например, некоторые отечественные исследователи (Б. Г. Капустин, Т. А. Алексеева) отмечают, что термины «философия политики» и «политическая философия» существенно отличаются по смыслу. Под первым имеется в виду прикладной тип философского знания, некий набор онтологических и гносеологических конструкций, применяемый к политическим реалиям. Второй — т.е., собственно, политическая философия — означает сферу саморефлексии в отношении политики и является не столько знанием, сколько установкой,

интенцией, стремлением к вопрошанию и поиску ответов на вечные вопросы.

Одним из таких «вечных» является вопрос о соотношении политики и морали. Истоки этой проблемы обнаруживаются ещё в евангельском сюжете об искушении Христа. Как известно, третье, последнее искушение Христа, было искушение властью, когда диавол сам признаёт, что власть, могущество и наделение властью — это сфера его влияния. («И, возведя Его на высокую гору, диавол показал Ему все царства вселенной во мгновение времени, и сказал Ему диавол: Тебе дам власть над всеми сими царствами и славу их, ибо *она предана мне, и я, кому хочу, даю её*» Ев. от Луки, 4 - 6, курсив – Э. Л.). Согласно этой притче, власть и могущество изначально даны людям от лукавого и обладать ею или стремиться к обладанию — значит, вступать в сделку с диаволом, именно поэтому человек, занимающийся реальной политикой по определению не может считаться порядочным человеком.

Точка зрения, согласно которой политика является сферой деятельности, не совместимой с моральными принципами и установками, достаточно популярна не только среди учёных. Стереотип о том, что большая политика делается «грязными руками», пожалуй, является самым распространённым среди россиян. Именно поэтому уже не первое столетие не утихают споры о том, можно ли добиться того, чтобы политическая деятельность осуществляла свои цели, исходя из нравственных оснований. Однако, в большинстве случаев учёные поддерживают менее категорические суждения, согласно которым мораль всё-таки присутствует в сфере политики, но утрачивает в ней свой абсолютный статус. Именно поэтому следует говорить не о противоречии между моральным и политическим действием, а о политическом действии как об относительно моральном. Так, если политик поступает несправедливо и непорядочно в отношении

одних людей, то, как, например, считал Н. Маккиавели, он это делает ради благополучия и счастья других. К примеру, если лидер государства заботиться о своих согражданах, и при этом допускает несправедливость и безнравственные поступки в отношении тех, кто таковыми не является, это оправдано, но только в том случае, если намерения этого деятеля продиктованы не корыстью и личной наживой, а интересами государства. Ведь в действительности, говорят приверженцы такой точки зрения, реализация моральных принципов как абсолютных регулятивов невозможна, мы всегда поступаем хорошо или дурно относительно каких-то своих личных предпочтений, и реализация абсолютного принципа в жизнь всегда превращается в утопию. На самом деле, невозможно осчастливить всё человечество, поэтому требовать от политика, да и от любого человека вообще жёсткого следования абсолютным нормам морали не только невозможно, но и опасно.

Политическая философия, оставляя за собой область саморефлексии политики позволяет исследователю сохранять напряжение процесса постоянного поиска, в котором постановка вопросов важнее полученных ответов. В действительности, только такое состояние позволяет зафиксировать подлинные отличия философии от всех других наук.

3. 3. Философия морали

Проблемы морали изучаются очень давно, но в отдельный исследовательский раздел начинают оформляться только с XVIII века. В современной философии этот раздел получил название этики. Этика — это специальная философская дисциплина, рассматривающая теорию морали и её обоснование. Моралью называют особую форму регуляции отношений между людьми, основанную на презумпции добра и гуманизма.

Соотношение этики и социальной философии является проблемой, т. к. трудно сказать, в какой степени мораль социально детерминирована. В действительности, видимо, правомерно вести речь и об индивидуальной морали, однако, даже в этом случае следует иметь в виду, что даже те глубоко личные, индивидуальные нормы и нравственные ценности в большинстве случаев имеют социальную природу. В некоторых случаях их социальное происхождение не столь очевидно, но при более внимательном рассмотрении можно обнаружить, что любая индивидуальная мораль в значительной степени социально обусловлена. Такая ситуация объясняется тем, что сам процесс становления и формирования личности, т. е. оформление ценностей, в том числе ценностей нравственных, есть процесс социализации, и те нормы и ценности, которые формируются у индивида, формируются под непосредственным влиянием различных социальных институтов. По этой причине можно считать, что этическая проблематика по статусу соответствует социально-философской, но не совпадает с ней. Рассматривать философию морали как социально-философскую дисциплину позволяет ещё и тот факт, что некоторые исследователи считают мораль, наряду с правом и религией одной из важнейших форм общественного сознания.

Выражение «философия морали» обращает наше внимание на терминологическую разницу, отмеченную при описании таких разделов как «философия политики» и «политическая философия». По аналогии с ними, понятие «философия морали» примем для обозначения теории морали и её обоснования, а под «моральной философией» будем иметь в виду философское вопрошание и интенцию на поиск. Таким образом, если в первом термине заостряется наличие некоего возможного «знания» о морали, то во втором акцент делается на проблематизацию этого знания и необходимость процесса поиска, на философствование как бесконечное и постоян-

ное «нахождение в пути». И в первом, и во втором смысле тематизация морали как социально-философского явления обращает внимание на следующий круг проблем.

- В первую очередь это проблема моральных приоритетов, связанная с таким вопросом: почему именно добро и гуманность, а не другие принципы являются основанием морали? В истории философии были попытки неоднократно переосмыслить приоритеты морали и поставить на место указанных принципов пользу, удовольствие, счастье, общественное благо и т. д. В таком случае основной проблемой философии морали становилась проблема соотношения этих ценностей с понятиями добра и зла.

- Проблема моральных оснований различных видов человеческой деятельности. В § 2 мы рассмотрели сущность этой проблемы на примере соотношения морали и политики, так же можно её сформулировать и по отношению к другим сферам: экономики, права, науки. К примеру, широко обсуждаемой сейчас является проблема нравственности в науке: должен ли учёный нести моральную ответственность за сделанные им открытия, если они опасны для человечества? В более широком контексте, эта проблема ставит вопрос о пределах дозволенного в любых видах деятельности, исходя из того, что моральное сознание таковыми пределами считает нравственные нормы.

- Проблема абсолютности и относительности моральных норм. Эта проблема существования общечеловеческих ценностей. Исходя из принципа абсолютности морали, следовало бы признать существование общих и неизменных для всего человечества ценностей, в то время повседневность обнаруживает их относительный и изменчивый характер. Объяснение этого парадокса и составляет одну из важнейших задач моральной философии.

Философия морали имеет длительную историю. Проблемы добра и зла, справедливости, счастья и долга были основными темами размышлений ещё со времён Сократа и софистов (IV в. до н. э.). Несколько позднее, в эпоху эллинистической философии этика становится основой философских учений, приобретая статус практической науки. Так, например, философские учения Эпикура, стоиков целиком и полностью основывались на приоритете этики. Эти концепции исходили из того, что главное назначение философии — это научить человека быть счастливым, спокойным и радостным, помочь ему разобраться со своими страхами, желаниями, невзгодами. Эту цель наилучшим образом и реализует этика. Ещё Аристотель, проводя классификацию наук, предложил считать, что философия занимается не только исследованием умозрительных сущностей (метафизика), но имеет и существенное практическое значение. Пространство практической науки, начиная с Аристотеля и вплоть до XVIII в., было закреплено за моральной философией.

3.4. Философия искусства

Этот раздел социально-философской проблематики связан с изучением таких феноменов как художественное творчество и эстетические ценности. Данный аспект философских исследований направлен на изучение проблем, представляющих интерес не только для философа, но и для искусствоведа, культуролога. В более широком контексте философские проблемы искусства изучаются такой философской дисциплиной как эстетика. Различие между философским и конкретно-научным исследованием проблем искусства можно провести по аналогии с уже рассмотренными отличиями между политологией и политической философией, социологией и социальной философией и обозначить следующим образом: философия искусства, в отличие от искусствоведения и культурологии, является во-

прошанием, рефлексией над предельными вопросами. Это вопросы о смысле искусства, природе художественного творчества, сущности прекрасного, поиска критерия красоты. Важной проблемой, как для философии, так и для междисциплинарных исследований, является проблема происхождения и предназначения искусства.

В современной философии признаётся, что феномен эстетизации является специфическим для человека, отличающим его деятельность от процессов, происходящих в животном мире. Эстетизация проявляется в том, что на всех уровнях социальной организации человек соотносит свои ценности, результаты и достижения с такими понятиями как «красивое», «прекрасное», «безобразное». Мы не просто эмоционально воспринимаем окружающий нас мир, но обозначаем эти переживания как «возвышенные», «трагические», «комические» и т. д. Более того, сами переживания являют нам очевидность значения этих понятий, потому что мы не называем какие-то из них «трагическими», мы их переживаем как таковые, даже в случае, если это переживание рождается по поводу созданных искусством артефактов. Именно поэтому *процессы, связанные с переживанием и восприятием мира, осуществляющиеся в оценочных терминах по шкале «прекрасное/безобразное», называют эстетическим отношением человека к миру.*

Кроме этого «параметра», в переживании присутствует ряд других оценочных критериев, таких, например, которые связаны с нашим восприятием событий мира по шкале «хорошо/плохо», «полезно/бесполезно». Ещё одной важной проблемой эстетики и философии искусства является проблема взаимообусловленности и соотношения этих оценочных «шкал». Например, можно ли считать, что красота является автономной, самодостаточной ценностью или она при этом должна ещё «подтверждать» свою ценность как польза, добро или справедливость? А если красота обнару-

живается в вещах, которые являются губительными для человека, несут ему страдание, зло и даже смерть, можно ли считать такую красоту ценностью? Эти и многие подобные проблемы на протяжении столетий вызывают дискуссии.

Особенностью эстетического отношения является то, что человек не просто воспринимает мир в соответствии со своими критериями красоты, но и воссоздаёт его в произведениях искусства. Этот аспект эстетического отношения получил название *творчество*. Исследование сущности, природы и предпосылок творчества также является одной из важнейших тем философии искусства. Универсальность творческого процесса позволяет говорить о том, что в любой сфере профессиональной деятельности человек способен проявить эстетическое отношение к миру. В самом широком смысле этого термина, под творчеством имеют в виду процесс самостоятельной реализации задуманного, стремление к отказу от стереотипов восприятия и выражения, постоянный поиск новых нестандартных решений проблемы. В таком понимании творческая самореализация может быть присуща любой сфере человеческой деятельности, но именно в создании произведений искусства она проявляется сильнее всего, потому что этот вид деятельности основан исключительно и полностью только на проявлении творческих способностей человека. Отметим, что способность к творческому самовыражению также является одной из специфических характеристик человека, отличающих его от животных. Творческое созидание в сфере художественной деятельности имеет огромное значение для философского, особенно социально-философского, исследования. Выражая свои представления о красоте в произведениях искусства, создавая артефакты, художник тем самым организует социальную реальность по своим собственным законам, он *конструирует* её, согласно своему созидательному плану. В предыдущей главе упоминалось о том, что в современной

социальной философии получили распространение теории конструирования социальной реальности. Это такие концепции, в которых делается акцент на том, что человек является не столько субъектом социального взаимодействия, сколько его творцом, поэтому роль и функции человека в новом понимании социальной реальности принципиально меняются: он начинает пониматься как создатель и «архитектор» социального мира.

Особую выразительность эти моменты приобретают в том случае, если речь идёт о художественном творчестве, потому что творчество и есть синоним созидания, реализации, конструирования. Ведь даже слово «искусство» в переводе имеет значение «навык», «умение», «мастерство», здесь сама процедура созидания и конструирования приобретает наглядность, явленность и даже материальное воплощение. Результатом этого процесса является появление нового мира — мира артефактов человеческой культуры, обладающего своими социокультурными кодами, символами, значениями. Этот самостоятельный мир, — мир произведений искусства, рассматриваемый в пространстве их значений и символического содержания, можно рассматривать как самостоятельное пространство социальной реальности, выраженное в художественной картине мира.

3.5. Социально-философские проблемы науки в условиях глобального кризиса цивилизации

Проблемы науки и научного знания в большинстве случаев являются предметом изучения других разделов философии — гносеологии и методологии науки. Однако, есть основания говорить о них и в разделе социально-философского знания, поскольку на сегодняшний день наука является не только сферой профессиональной деятельности учёных, но и важнейшей производительной силой, и социальным институтом. Кроме того, наука возникает как результат социального взаимодействия и должна рас-

сма­тривать­ся исклю­чи­тель­но как соци­аль­ный «про­дукт». Гносеология и методология в большин­стве случаев абстрагируются от социального содержания науки, как раз потому, что соответствующие проблемы ставятся и изучаются в обществознании. Однако, отмечая в очередной раз условность всякого предметного разграничения, сделаем оговорку, что в исследованиях по методологии и гносеологии также практически невозможно избежать социального контекста. Например, знаменитые работы Томаса Куна и Имре Лакатоса¹⁷, известных методологов науки, посвящены не только традиционным методологическим вопросам, но и поднимают проблемы развития науки в социокультурном контексте.

Именно в институциональном аспекте наука и представляет интерес для социального философа, поэтому общий тематический горизонт здесь задаётся корпусом проблем, связанных с влиянием науки на процесс развития общества. Это такие проблемы как:

- ценности науки и их соотношение с нравственными и эстетическими ценностями;
- прогресс в науке и его влияние на прогресс общества;
- сциентизм как мировоззрение и его социальные последствия;
- влияние науки на различные сферы жизни общества;
- назначение и социальные функции науки.

В истории развития науки каждый новый этап сопровождался изменением формы её институализации и социальной роли. В этом смысле история науки также представляет интерес для социального исследователя. Как социальный институт, наука начинает оформляться в XVII-XVIII веках. Именно в это время в Европе появляются первые объединения учё-

---

¹⁷ Эти классические работы см. в издании: Кун Т. Структура научных революций. — М., 2001.

ных, научные общества и журналы. К XX столетию наука превратилась в мощную социальную силу, влияющую на все сферы жизни общества.

Популярность и авторитетность научного мировоззрения были особенно сильными в XIX – первой половине XX веков. Под влиянием философских идей позитивизма в общественном сознании формируется особое доверие к научному знанию, которое в дальнейшем приводит к формированию сциентистского мировоззрения. *Сциентизм — это мировоззрение, основанное на том, что научное знание является наивысшей культурной ценностью, обладающим монопольным правом на истину.* В связи с этим за наукой окончательно закрепляются сформированные ещё в движении Просвещения идеалы прогресса и общественные ожидания «светлого будущего».

Бурное развитие науки в течение всего XX века несколько охладило такое общественное доверие. Современная ситуация глобального кризиса обнаружила не столько её всемогущество, сколько беспомощность в решении простых банальных проблем: как накормить голодных и расселить бездомных, которых становится всё больше и больше, и как убедить людей не убивать друг друга. Одним из самых невероятных парадоксов современной цивилизации является то, что при высочайшем уровне развития науки, техники и технологий, человечество не в состоянии справиться с решением таких, с виду, самых обыкновенных проблем. Именно поэтому основные усилия современных учёных, включая социальных исследователей, направлены на решение этого парадокса и обеспечение условий дальнейшего устойчивого развития цивилизации, т. е. такого развития, тенденции и стратегии которого не противоречили бы главной ценности — человеческой жизни.

Глобальный кризис связывают с возникновением проблем, представляющих опасность для дальнейшего развития человечества, ставящих под угрозу существование планеты. Это такие группы проблем, как:

- Экологические. Это проблемы, возникшие вследствие нерационального использования природных ресурсов, роста потребления и материального производства.

- Политические. В эту группу включаются проблемы предотвращения термоядерной войны, урегулирования военных конфликтов и борьба с международным терроризмом.

- Демографические. Это проблемы неравномерности развития регионов и перенаселённости южного полушария планеты, вызывающие целый блок проблем социальных: нищета, болезни, высокий уровень смертности и т. д.

Причины возникновения этих проблем связаны с отрицательными последствиями научно-технического прогресса и вследствие этого возникшей идеологией потребительства. Массовое производство, нацеленное на получение сверхприбылей, в конкурентной борьбе за рынки сбыта, поддерживает образ человека-потребителя, навязывая ему ценность потребления и поощряя его состояние «потребительского рабства» Г. Маркузе в знаменитой книге «Одномерный человек» так описывает эту ситуацию: «В современную эпоху технологическая реальность вторгается в это личное пространство и сводит его на нет. Массовое производство и распределение претендуют на *все*го индивида, а индустриальная психология уже давно вышла за пределы завода», «Люди узнают себя в окружающих их предметах потребления, находят свою душу в своём автомобиле, стереосистеме, квартире с разными уровнями, кухонном оборудовании. Сам механизм, привязывающий человека к обществу, изменился, и общественный

контроль теперь коренится в новых потребностях, производимых обществом».¹⁸

Многие говорят о существовании глобальных проблем, но далеко не все понимают, что реальный выход из ситуации может быть найден только в сфере изменения ценностного отношения к миру. На это и нацелены в настоящее время усилия учёных самых разных дисциплинарных направлений. Задача эта не может быть решена быстро и тем более не может быть решена посредством декларации директивных требований. Все знают, как должно быть и как следует делать, однако, эти знания так и остаются императивами из сферы должного.

В этой непростой ситуации представители гуманитарных и социальных наук пытаются сосредоточить свои усилия на изучении таких тем и проблем, которые могли бы существенно изменить прежние стереотипы мышления, связанные с потребительским отношением к миру и другим людям. Одной из таких важных мер по реализации этой цели можно назвать привлечение внимания широкой аудитории к проблемам агрессии, насилия, толерантности и ненасилия. Дискуссии по этим проблемам в последнее время являются одними из самых популярных тем, обсуждающихся в прессе и на страницах научных журналов. Общая стратегия этих дискуссий разворачивается вокруг принятия ценности толерантного мышления и ненасилия. Действительно, кризисное состояние становится тем более тяжёлым, чем сильнее выражены противоречия между разными политическими, экономическими, религиозными системами в мире. Разобщённость, ненависть и противостояние создают условия, в которых не может быть и речи о попытке преодоления кризиса. Значит, нейтрализация агрессии и насилия есть первый шаг на пути разрешения глобальных про-

---

¹⁸ Маркузе Г. Одномерный человек — М., 1994. — С. 12-14.

блем, шаг, в сторону другого человека, направленный на создание условий для диалога.

Заключение

Тот образ социальной реальности, который представлен в данном пособии, конечно, не учитывает всё многообразие её реальных повседневных проявлений. В сущности, это невозможно, поскольку любое теоретизирование есть некоторое упрощение повседневности, её моделирование и типизация, нацеленные на выработку общих схем. Сама реальность всегда богаче и ярче, чем любая, даже самая хорошая схема. Поэтому говорить о какой-то социальной философии вообще, с устойчивым набором проблем, решений и категорий, неправомерно. В пособии подчёркивалось, что социальная философия — это скорее, особая точка зрения, специфический исследовательский контекст философских проблем, а не самостоятельное направление или, как принято говорить, раздел. Это просто другой взгляд на те проблемы, которые ставятся и изучаются в других «разделах» философии.

Именно поэтому социальная философия никогда не была отдельным и изолированным направлением в философских исследованиях. Проблемы, которые сейчас относятся к ней, издавна изучались в общем контексте философских размышлений, в комплексе с другими проблемами, но на современном этапе развития знания приобрели самостоятельное звучание. И поскольку становление личности, формирование характера и мировоззрения человека всегда осуществляются под влиянием социальных факторов и социальной среды, знакомство с социальной философией помогает прояснить многие проблемы, связанные с личностным самосознанием.

Библиографический список

1. *Арон Р.* Этапы развития социологической мысли. — М.: Прогресс, 1993. — 607 с.
2. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. — М.: Медиум, 1995. — 323 с.
3. *Бляхер Л. Е.* Картина мира. — Хабаровск: Изд-во ХГТУ, 1998. — 40 с.
4. *Бляхер Л. Е.* Человек в зеркале социального хаоса. — Хабаровск: Изд-во ХГТУ, 1997. — 132 с.
5. *Бурдые П.* Начала. — М.: Socio – Logos, 1994. — 288 с.
6. *Валлерстайн И.* Миросистемный анализ // Время мира. Альманах. Вып.1: Историческая макросоциология в XX веке. — Новосибирск, 1998. — С. 105 – 124.
7. *Вальденфельс Б.* Мотив чужого. — Минск: Пропилеи, 1999. — 175 с.
8. *Вебер М.* Избранное. Образ общества. — М.: Юрист, 1994. — 704 с.
9. *Гадамер Х.- Г.* Актуальность прекрасного. — М.: Искусство, 1991. — 367 с.
10. *Гоббс Т.* Сочинения: В 3 т. — М.: Наука, 1987.
11. *Гобозов А. И.* Смысл и направленность исторического процесса — М.: Социопресс, 1997. — 234 с.
12. *Гуревич П. С.* Социальная мифология — М.: Канон, 1983. — 310 с.
13. *Гуревич П. С.* Философская антропология — М.: Изд-во МГУ, 1997. — 246 с.
14. *Давыдов Ю. Н.* Макс Вебер и современная теоретическая социология. — М.: Мартис, 1998. — 510 с.
15. *Дюркгейм Э.* Социология: её предмет, метод, предназначение. — М.: Канон, 1995. — 349 с.

16. *Зиммель Г.* Избранное: В 2 т. — М.: Юрист, 1996.
17. *Ионин Л. Г.* Георг Зиммель — социолог. — М.: Наука, 1981. — 129 с.
18. *Ионин Л. Г.* Понимающая социология. Историко-критический анализ. — М.: Наука, 1979. — 207 с.
19. *Ионин Л. Г.* Социология культуры. — М.: Логос, 1996. — 280 с.
20. *Коллинз Р.* Золотой век макроисторической социологии // *Время мира.* Альманах. Вып.1: Историческая макросоциология в XX веке. — Новосибирск, 1998. — С. 72 - 90.
21. *Коротаев А. В.* Базовые факторы социальной эволюции // *Время мира.* Альманах. Вып.1: Историческая макросоциология в XX веке. — Новосибирск, 1998. — С. 305 – 312.
22. *Лиотар Ж.- Ф.* Состояние постмодерна. — М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. — 160 с.
23. *Локк Д.* Сочинения: В 3 т. — М.: Мысль, 1988.
24. *Лукач Д.* К онтологии общественного бытия. Прологомены. — М.: Прогресс, 1991. — 412 с.
25. *Маркузе Г.* Одномерный человек — М.: REFL-book, 1994 — 368 с.
26. *Мангейм К.* Очерки социологии знания. — М.: ИНИОН РАН, 1997. — 249 с.
27. *Мангейм К.* Диагноз нашего времени. — М.: Юрист, 1994. — 700 с.
28. *Момджан К. Х.* Социальная философия. — М.: Высшая школа, 1999. — 340 с.
29. Очерки по истории теоретической социологии XIX – нач. XX вв. — М.: Наука, 1994. — 240 с.
30. Очерки по истории теоретической социологии XX столетия. От М. Вебера к Ю. Хабермасу, от Г. Зиммеля к постмодернизму. — М.: Наука, 1994. — 380 с.

31. *Рикёр П.* Конфликт интерпретаций. М.: Медиум, 1995. — 323 с.
32. *Руткевич Е. Д.* Феноменологическая социология знания. — М.: Наука, 1993. — 272 с.
33. Современная социальная теория: Бурдьё, Гидденс, Хабермас. — Новосибирск, 1995. — 120 с.
34. *Сорокин П. А.* Человек. Цивилизация. Общество. — М.: Политиздат, 1992. — 543 с.
35. Социальная философия в конце XX века. — М.: МГУ, 1991. — 200с.
36. Социо-Логос: Социология. Антропология. Метафизика. — М.: Прогресс, 1991. Вып. 1.: Общество и сферы смысла. — 478 с.
37. *Филиппов А. Ф.* Большое пространство: возможности социологического изучения // Социологические чтения. — М.: Социологос, 1989. — 235 с.
38. *Хабермас Ю.* Демократия. Разум. Нравственность. — М.: АКАДЕМІА, 1995. — 245 с.
39. Штомпка П. Социология социальных изменений. — М.: Аспект-пресс, 1996. — 414 с.
40. Эпоха науки в зеркале модернистско-постмодернистского спора. — М.: ИНИОН, 1996. — 107 с.

Учебное издание

Леонтьева Эльвира Октавьевна

Социальная философия

Учебное пособие

Главный редактор Л. А. Суевалова

Редактор О. А. Матюшина

Дизайн обложки М. В. Привальцевой

Подписано в печать 16.12.04 . Формат 60x84 1/16

Бумага писчая. Печать офсетная. Гарнитура «Таймс». Усл. печ. л. 4,18

Тираж 500 экз. Заказ

Издательство Хабаровского государственного технического университета.

680035, Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 136

Отдел оперативной полиграфии издательства

Хабаровского государственного технического университета

680035, Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 136

